

**Роман Львович Трахтенберг
Алексей Алексеевич Богомолов
Рома едет в Кремль**

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5004889

Рома едет в Кремль / Роман Трахтенберг, Алексей Богомолов.: АСТ; Москва; 2013

ISBN 978-5-17-077321-3

Аннотация

Эту книгу Роман Трахтенберг к счастью успел закончить. Это удивительно смешной, захватывающий роман о том, как в Москве появляется несколько странных предметов, дающих своим владельцам весьма необычные свойства.

Но самое поразительное – это пророческий характер самой книги. Издательство подтверждает, что с момента сдачи рукопись не правилась и не редактировалась. Тем удивительнее, что многое из того, что описано в книге уж сбылось. Что сбудется еще – мы не знаем.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	31
Глава 4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Роман Трахтенберг, Алексей Богомолов

Рома едет в Кремль

По большому счету, задача писателя очень проста. За небольшим исключением, все слова давно придуманы. Важно лишь правильно расставить их...

Предисловие

Я даже не думал о том, что предисловие к этой книге придется писать мне. Наверное, мало кому из друзей, близких и многомиллионной армии поклонников Романа Львовича Трахтенберга могла прийти в голову мысль о том, что его яркая жизнь и блестящая карьера так неожиданно и страшно оборвутся осенним вечером 20 ноября 2009 года. А предисловие к нашему совместному творению собирался написать именно он. И это была единственная часть, которую мы не обсуждали. «Предисловие к книге пишется в последнюю очередь, тогда, когда весь текст уже готов» – так говорил мне Рома. Но написать его так и не успел.

Интересно, но за более чем десять лет нашего знакомства книга, которую вы держите в руках, стала первым и последним из наших совместных проектов. Правда, странно было бы для госслужащего в должности вице-губернатора Орловской области, которую я тогда занимал, публиковать под своей фамилией совместные с Ромой опусы.

А весной 2009 года ко мне наконец пришла Свобода в виде прекращения многолетней государственной деятельности и возможности нормально общаться с друзьями. Тут и случилась наша очередная встреча с Романом, ставшая судьбоносной. Я приехал к нему обсудить один из сюжетов с его участием для совершенно другой книги. Он прочитал текст, поднял на меня глаза, поправил очки и изрек следующее: «Предлагаю тебе написать роман. Две наши фамилии на обложке, все дивиденды пополам, я даю основные идеи и редактирую, ты придумываешь героев, сюжетные линии и собственно пишешь. Договорились? Думаю, в любом случае эта книга станет бестселлером...»

Почему я согласился? Во-первых, потому что по-настоящему любил и уважал Рому как друга, очень талантливого и честного человека. Во-вторых, мне была интересна подобная работа. И в конце концов, мы с Ромой понимали друг друга с полуслова: оба Весы по гороскопу (я родился 27 сентября, он – 28-го), оба Обезьяны по году рождения (только я на 12 лет старше). Оказалось к тому же, что у нас довольно близкие художественные вкусы, полно общих знакомых и много общего в отношении к жизни в целом.

Все вышесказанное не значит, что у нас не было споров по содержанию книги. Трахтенберг был в курсе всех литературных новинок, читал в день по новой книге, поэтому пытался просчитать идеальную формулу привлечения читателя к нашему новаторскому произведению. «Знаешь, – говорил он мне, – это должно быть как у Димы Глуховского в «Метро 2032», но более динамично. Или как у Виктора Пелевина, только лучше. А может быть, как у Сергея Минаева? У него обложки красивые и раскрутка книг отличная. А может быть, пойти по пути Бориса Акунина?» На это я отвечал ему, что если мы будем писать в стиле кого-то из названных авторов, то у нас выйдет копия, которая всегда хуже оригинала. «А что делать?» – вопрошал Роман Львович, глядя мне в глаза. «Писать в стиле Трахтенберга и Богомолова!» – «А это как?» – «Не знаю, давай писать, как получится. Думаю, это будет ни на кого не похоже. Но так, как никто, кроме нас, написать не сможет!» На этой мажорной и оптимистичной ноте мы решили прекратить творческую дискуссию и начали работать.

Рома, правда, пытался заставить меня пристально изучить книги Владимира Глуховского, Михаила Елизарова, а также других модных авторов. Я честно купил некоторые из них, кое-что даже прочитал, но понял, что если начну читать книгу про метро дальше десятой страницы, то там в этом «метро» и останусь. Пришлось искать другое метро и других людей. Я решил, что надо делать что-то совсем необычное.

Работа у нас кипела. Мы каждый день созванивались по телефону, а раза два-три в неделю встречались и обсуждали написанное. Ромка фонтанировал идеями, иногда абсолютно бредовыми, иногда технически неисполнимыми, иногда гениальными, а я направлял его фантазии в русло уже начавшего складываться сюжета. Строгая реальность, историй, которые происходили на самом деле, переплеталась с самой изощренной выдумкой, к которой у нас с Ромой прорезались основательные способности. И случилось так, что мы сами уже потеряли грань между реальностью происходивших в книге событий и действительностью. А действительность начинала догонять нас. Только я придумал для наших героев замечательный гаджет – мобильник с радиоизотопным источником питания, как рассказ о такой перспективной разработке появился в Интернете. Не успел получить высокохудожественно исполненную схему линий так называемого «Метро-2», как «Экспресс-газета» опубликовала относительно близкую ее копию. А как только мы вспомнили про известный тоннель от сталинского бункера под стадионом у Черкизовского рынка, про него тут же появились новые публикации. Затем я назвал (дело было еще в июле 2009 года) Владимира Колокольцева главным московским милиционером – президент вскоре подписал указ о его назначении на этот пост. Правда, сейчас он уже стал министром... Так что приходилось вносить корректировки. Кстати, истории о реально существующих людях, которых пытливый читатель найдет в книге множество, за исключением оговоренных случаев, являются просто удивительными совпадениями. Как любил говорить по этому поводу Роман Львович: «Ни слова лжи! Разве могут Трахтенберг и Богомолов лгать? Только художественный вымысел!» Вот и получилось, что те немногие счастливы, которые смогли прочитать книгу, или ее фрагменты еще до выхода нашего романа в свет, спрашивали: «А вот это что, действительно было? А это вы не придумали?» И в большинстве случаев то, о чем они говорили, как ни странно, имело под собой совершенно реальную основу. А вот наши совершенно фантастические выдумки часто принимались читателями за вполне реальные сюжеты...

За время работы над книгой мы с Романом посетили закрывающееся казино «Империя», одну из заброшенных станций метро, полазили по подвалам главного здания МГУ, осмотрели садик около бывшего особняка Лаврентия Берии, в котором расположено посольство ныне революционного Туниса, ознакомились с кучей исторических документов, съездили в Питер. Я связался со своими эстонскими друзьями, чтобы разобраться в тонкостях местной пенитенциарной системы, а затем в подробностях изучил биографию Линь Бяо и суть его конфликта с руководством китайской компартии. Мы специально интересовались различными видами холодного и огнестрельного оружия и даже постреляли из пистолетов, автоматов и более тяжелого вооружения. Я посидел в студии на паре Ромкиных радиопрограмм и ознакомился с технологией их производства. Мы говорили с антикварами и ювелирами, священниками и сатанистами, общались с футбольными фанатами, бывшими членами Политбюро ЦК КПСС и милицейскими начальниками. В результате и получилась такая книга, что даже жанр ее определить трудно. Для кого-то это мистический триллер, для кого-то – фэнтези, а для других – классический боевик.

Главный герой книги, конечно, Роман Львович Трахтенберг собственной персоной. В нем очень много реального. Некоторые истории, например о его борцовско-боксерском поединке с актером Моховым, имели место в реальной жизни, а вот рассказы о ночной беседе Романа с Ксюшей Собчак – ведущей программы «Спокойной полночи» или о купании корреспондентов «Пресс-газеты» в яме с фекалиями – почти вымышлены. Впрочем, чего в жизни

не бывает? Может быть, все это и произойдет. Жаль только Рома таких замечательных картин уже не увидит.

Многое в романе – это мечты. Конечно же Трахтенбергу хотелось почувствовать себя не только состоявшимся человеком, талантливым артистом и популярной личностью, но и супергероем в полном смысле этого слова. Сильным, смелым, воинственным, без промаха стреляющим из маузера, объединяющим людей, которых и собрать-то вместе сложно, почти всемогущим и выполняющим важнейшую миссию государственной важности. Он и получился таким: с одной стороны, близким и понятным для тех, кто его видел и знал, с другой – немного странным и загадочным, удивляющим сочетанием глубокого интеллекта и кажущейся простоты, доброты и жестокости к врагам, искреннего веселья и удивительной для его образа серьезности...

Ромы сегодня нет с нами, и многим казалось, что он уже не сможет сказать ничего нового. К счастью, они ошибались. «Семь сорок» – это продолжение творческого процесса в исполнении любимца миллионов наших сограждан, это книга, в которой явственно ощущается биение его мысли. В ней мы слышим его слова, чувствуем его иронию и, прочитав ее, вопреки всему, начинаем надеяться на то, что это еще не конец...

Ну а мне, как соавтору и человеку, в течение полугода имевшему счастье работать с Ромой, общаться с ним в любое время дня и ночи, вместе с ним думать, переживать и мечтать, больше всего жаль, что он не сможет взять в руки эту книгу, открыть ее и улыбнуться своей чистой и солнечной улыбкой...

Эта книга, что называется, «лежала на полке» ровно три года. И виной тому были исключительно правовые вопросы, поскольку наследственные дела Романа Трахтенберга долгое время были не отрегулированы. Вся страна следила за телевизионными разборками вокруг его наследства, а желтая пресса захлебывалась в перемывании косточек всех участников процесса. Мне пришлось познакомиться и пообщаться со всеми его наследниками, поговорить с ними в Москве и Питере, убеждать их, рассказывать о том, как их любимый человек работал над книгой и как хотел того, чтобы она вышла в свет. И вот наконец осенью 2012 года мне удалось встретиться со всеми наследниками и заручиться их разрешением на публикацию. Огромное спасибо Льву Давиду Горбунову, сыну Ромы, его отцу Льву Глебовичу, маме Татьяне Липовне и супруге Елене Романовой, с которой он прожил много лет. Я искренне надеюсь не только на то, что выход в свет этой книги станет не только памятным знаком для тех, кто знал и любил Рому, но и на то, что разум и толерантность возобладают и они смогут достичь настоящего примирения. Во всяком случае, я твердо уверен, что Ромка этого хотел...

*Алексей Богомолов,
сентябрь 2012 года*

Глава 1

О господи! Какие только мысли не приходят в голову человеку, который всего каких-то пару часов назад был вполне успешным, по современным меркам, мужчиной, а стал в одну минуту близок к состоянию последнего бомжа. Нет, костюм «Бриони», почти новый, кстати, относительно свежая рубашка и английские туфли, кое-где еще сохранившие блеск, как и чудом не доставшиеся казино часы «Ролекс», которые можно было быстро перевести в денежный эквивалент, могли ввести в заблуждение кого угодно. Но не меня самого. Я потерял практически все, что у меня было, а сейчас стоял у дверей злосчастного заведения и тупо смотрел, как охранники нового владельца открывают мою машину, чтобы отогнать ее туда, где теперь будет жить мой «Лексус». Гипотетически я, конечно, мог бы его выкупить за полтинник, к которому приравнял машину в последний момент, но где его взять, если вокруг кризис, а у меня самого такой минус, что любой здравомыслящий человек, будь он трижды моим другом и соратником, раз десять подумает, прежде чем дать мне хотя бы сотню долларов.

А я ведь чувствовал, что вот-вот удача повернется ко мне лицом, что еще один круг рулетки, еще одна ставка, и все вернется, да еще с прибылью. Эта уверенность не покидала меня весь день, и когда я спускал одну тысячу долларов за другой, то вместо раздражения и сожаления по поводу потерянных денег чувствовал лишь бешеное желание играть дальше и почти осязаемую возможность гигантского выигрыша. Тем более что за соседним столом, гневно посверкивая глазами из-под очков, раз за разом проигрывал в блэк джек местный завсегдатай Лева Новоженков. Обе пепельницы перед ним были полны окурков, пепел уже вываливался на стол, но Лева упорно не давал никому убирать его. Всякие суеверия бывают у игроков. А я вот заметил такую закономерность: когда Лева проигрывает, всем остальным по большей части везет. И это наблюдение еще раз укрепило меня в уверенности, что враг будет разбит и победа будет за нами. Я играл так, как подсказывали мне ощущения: без всякой системы, ставил то на первую и третью дюжину, то на черное, то на какие-то отдельные цифры. Время от времени мне казалось, что моей рукой при словах крупье «Делайте ваши ставки!» водит кто-то другой, но что-то другое внутри подсказывало мне, что я поступаю правильно. До тех пор пока я, проиграв все наличные и отдав для снятия денег свою золотую «Визу», не поставил на кон свой любимый, переливающийся хамелеоном автомобиль. Вот как раз в тот момент, когда я сделал ставку на zero, у меня в груди закололо и мне вспомнилась идиотская фраза из сериала «Санта-Барбара», от которого лет двадцать назад нельзя было оторвать мою тогдашнюю подружку Ленку. Фраза звучала в каждой серии. Герои, видимо в силу врожденной умственной неполноценности или благоприобретенной глупости, постоянно спрашивали друг у друга: «А правильно ли мы делаем?»

«А правильно ли мы делаем, уважаемый Роман Львович, что, проиграв полмиллиона долларов за несколько часов, ставим на кон единственную оставшуюся у нас материальную ценность, а именно: новенький «Лексус», да еще приравняв его к половине реальной стоимости?» И отдаем его первому попавшемуся банкиру, который и зашел-то в казино, чтобы сыграть по мелочи, одалживая у него, таким образом, наличные для игры ва-банк. С другой стороны, для меня было странным, что казино согласилось изменить правила и дать мне шанс нанести ему серьезный материальный ущерб, а точнее, выйти с такой крупной ставкой. Все-таки 50 тысяч долларов при игре в рулетку могут превратиться в очень большие деньги. Особенно если ставить на число. Перед последней игрой крупье долго вызывал администратора, тот звонил директору и спрашивал совета, а знакомый официант шептал мне на ухо: «Роман Львович, я вас очень уважаю, но сегодня день не ваш...» Я сделал вид, что не услышал его, но слова «а правильно ли...» уже стучались ко мне в голову, заполняли

ее изнутри, оседали слоями сомнений и шевелились волнами неуверенности. Я понял все, когда, расположившись в VIP-зале, увидел, как администратор махнул крупье рукой, тот запустил шарик против часовой стрелки и я услышал магические слова: «Спасибо. Ставки сделаны, ставок больше нет. Ставок больше нет, Роман Львович!» Если бы не последняя его фраза, обращенная ко мне лично, я думал бы, что у меня есть хоть один шанс из тридцати семи. Услышав ее, я понял, что шансов больше нет. Именно это сказал мне блондинистый крупье, которого я никогда прежде здесь не видел. Он, наверное, знал, кто я и как меня зовут, но вот мое отчество... Да и вообще, человек, раскручивающий рулетку, никогда не называет игрока по имени-отчеству. Таков неписанный закон казино. И бесполезно было гипнотизировать взглядом костяную черепушку, сначала прижатую центробежной силой к деревянному краю, а потом начинавшую с мертвым стуком прыгать по разноцветным ячейкам с цифрами. Я отвернулся и пошел к выходу, не допуская и мысли, что мне может повезти. За мной ринулся официант с бокалом виски. «Выпейте, Роман Львович! Вам это нужно!» Я махнул полтинник, на минуту задержался у входа, чтобы отдать своему кредитору ключи и документы на машину, не слушая его слова о том, что машина будет стоять во дворе его банка, что еще завтра я могу за ней приехать... Я знал, что ни завтра, ни когда-нибудь еще не получу обратно своего красавца. И это по непонятной причине расстраивало меня больше всего. Ведь, проигрывая, я поначалу всего лишь расставался с фишками, за которые заплатил – обыкновенными разноцветными пластиковыми кружками, отдавал в чужие руки кредитную карточку, – золотистый кусок пластика, и его тоже было, как-то не жаль. А вот когда охранник забрался в мою машину и завел двигатель, сердце у меня сжалось: я как будто расставался с дорогим мне человеком, с любимой женщиной, с другом, в общем, с кем-то очень мне близким, почти родным. А ведь мы были вместе всего пару тысяч километров...

Так вот, пребывая в таком отвратительно-мерзком расположении духа, я присел на облицованную гранитом завалинку. Блин! Только в нашей стране могут придумать облицовывать завалинки гранитом и мрамором, а потом называть их труднопроизносимыми зарубежными словами типа пандусов. Вытянул предпоследнюю сигарету из помятой пачки «Данхилла» и стал искать зажигалку. «Черт!» – не очень злобно ругнулся я. Скорее всего, забыл ее где-то в казино. И тут я услышал незнакомый мне, немного глуховатый голос: «Вы совершенно правы, Роман Львович!» – и увидел поднесенную к моей сигарете зажженную спичку. Подняв глаза, я увидел обладателя голоса и спички – мужика лет пятидесяти, по виду похожего на бывшего борца-тяжеловеса или штангиста. Отметил про себя необычную золотую печатку у него на пальце. Такие штуки были в моде у бандитов лет двадцать назад и вместе с килограммовыми цепями, красными пиджаками и (на сменку) костюмами «Адидас» составляли обязательный набор для тех людей, которые сейчас стали называться нашей бизнес-элитой. В этой печатке, явно не дутой и по весу соответствовавшей солидной комплектации владельца, присутствовали три немаленьких камушка, похоже натуральных бриллианта хорошей чистоты и огранки, вместе с изумрудом в центре явно что-то символизировавших.

– Именно черт, он же дьявол, он же Мефистофель, он же хвостатокпытное, покрытое шерстью существо, забрал у вас почти все, что было ему нужно от вас. И вы ему отдали это совершенно добровольно! Во всяком случае, вы сами в этом сейчас совершенно уверены.

– Слушайте, гражданин хороший, за огонек вам, конечно, спасибо, но уж лучше бы шли вы своей дорогой, не до ваших мне рассуждений и не до чертей тем более!

– А вы, Роман Львович, не кипятитесь, я вас уже тут часа три-четыре, наверное, жду. Думаю про себя: «На чем он, болезный, остановится...» А зажигалочка ваша, кстати, до сих пор в туалетной кабинке лежит, где вы, извиняюсь, полчаса назад малую нужду справляли. Аккурат за унитазом. Лежит и скучает по вас, ждет, когда вернетесь за ней. Сходили бы, все-таки подарок, а вы так небрежно к ней относитесь. Вещи, они ведь тоже прощают нам не всегда и не все. Вот не уронили бы зажигалочку, глядишь, и машинка у вас осталась...

– Слушай, да кто ты такой, чтобы мне указывать и советы давать? А подсматривать в сортире – это вообще занятие для онаниста-пятиклассника, тем более в мужском!

Сказал я это и понял, что говорю глупость: в казиношном туалете никто и ничего подсмотреть не мог. Разве что камеру поставили местные охранники. Ведь на входе висит табличка с предупреждением: «Видеонаблюдение ведется для вашей безопасности». Но не за унитазом же наблюдать, хотя хрен их знает, этих мудаков. Один мой приятель, повернутый на подозрительности, установил на своей даче сложнейшую систему наблюдения, которая в его отсутствие срабатывала при любом движении внутри объема помещения. Потратил кучу евриков, заказывая всю эту фигню в Швейцарии и Японии и даже монтажников пригласив оттуда, чтобы никто ни о чем не догадался. А всем интересующимся говорил, что ему новую систему освещения, кондиционирования и звука ставят. Кстати, ее тоже поставили. Получился в итоге «суперумный дом», который записывал в гигантский цифровой накопитель все, что происходило внутри в отсутствие хозяина. Сам аппарат, который управлял этим делом, был заперт в бронированной комнате в подвале, и один только владелец мог взглянуть на результаты съемки. Сначала он выявил и выгнал с позором двух горничных, которые подворовывали по мелочи, затем гувернантку, давшую подзатыльник его дочке, хотя я бы за курение травки дома вообще бы разбил морду этой четырнадцатилетней оторве. Впрочем, папа и дочке сделал внушение, а затем вообще отправил ее учиться в Англию, думая, что в английских частных школах уж точно не курят анашу. Через год, правда, девочка, которой папа не отказывал в финансах, плотно сидела на кокаине...

Шло время, никто даже и думать не мог о том, что каждый шаг гостей дома находится под контролем, причем в случае необходимости с инфракрасными подсветками, дающими вполне приличное качество при съемке в темноте. Гости болтали о том о сем, заключали союзы и соглашения, в том числе и против хозяина дома, а маленькие объективчики, величиной со спичечную головку, и микрофончики – с булавочную, делали свое дело, передавая информацию в напичканный электроникой подвал. Часть людей, приходивших в гости и считавшихся друзьями, получила вежливый и аккуратный отказ от дома, а информационное преимущество, обретенное хозяином, помогло его обладателю избежать целого ряда ошибочных ходов в ведении бизнеса. Со временем, правда, количество разочарований все более и более перевешивало пользу от нововведения, но владелец «большого брата» настолько увлекся доведением обслуживающего персонала до состояния кристальной честности, а процесса фильтрации друзей и знакомых до самой тонкой очистки, что вообще перестал выключать оборудование. И гигабайт за гигабайтом записывались в огромную цифровую емкость, становясь источником компромата, самым правдивым учебником новейшей истории одной отдельно взятой семьи и ее окружения, а иногда и мощным орудием для успешных боевых действий в бизнес-среде. А единственный обладатель всего этого богатства все больше и больше времени проводил за монитором, просматривая и прослушивая все происходящее вне его поля зрения и слуха. Монитор с компьютером, находившиеся в рабочем кабинете и профессионально запароленные, конечно, привлекали внимание жены Татьяны, тем более что супруг иногда по несколько часов в день не отрывался от своего «Макинтоша». Его отговорки относительно того, что он занимается работой или сидит в «Одноклассниках», на жену действовали лишь до определенного времени. И ей, как женщине молодой, неглупой и обладающей пытливым умом, до дрожи внутри хотелось проникнуть в тайну, которую она теперь совершенно явственно чувствовала и жаждала открыть. Сама она, кстати, ни разу не давала мужу повода не только для ревности, но и для упрека вообще. Как он ни контролировал ее телефонные переговоры, даже с близкими подругами, которые, насколько она была уверена, никто не может услышать, никаких оснований для волнения у него не возникало. И вот это беспокоило его в отношениях с молодой женой больше всего. Не то чтобы он ей не доверял, нет, просто постоянное ощущение того, что тебя в любую минуту может предать

даже лучший друг, а самый преданный слуга при возможности обязательно тебя обворует, не давало возможности чувствовать спокойствия и в семейных отношениях. Вот так они и жили до поры до времени, сначала в любви и согласии, а потом в засасывающей трясине взаимных подозрений. Копилка информационного монстра пополнялась записями все чаще и чаще случавшихся домашних ссор, которые хозяин дома просматривал, стараясь выяснить, в чем же их причина. Это более всего напоминало просмотр футбольного матча в записи, когда игроки уже постфактум смотрят, где они сыграли хорошо, а где ошиблись. Иногда он, чтобы в очередной раз удостовериться, насколько правильны его ощущения, смотрел записи из собственной спальни. Нет, жена явно не играла, исполняя свой супружеский долг с надлежащим усердием и нежностью, а он сам, к своей гордости, был на высоте. Еще бы, регулярные занятия фитнесом, консультации профессионального врача-androлога и квалифицированный подбор различных стимуляторов давали ему возможность чувствовать себя, почти шестидесятилетнего, вполне способным удовлетворить свою молодую (ей было лет двадцать пять) уже третью по счету, но самую красивую и любимую, законную супругу. И монитор с великолепным качеством демонстрировал его подвиги: то сверху, то снизу, то сзади... Ну и другие тоже: он был такой затейник...

Самой любимой забавой, конечно, была игра в школьницу и строгого учителя. Татьяна, девушка хрупкая, с почти мальчишечьей (несмотря на то, что все у нее было на месте) фигурой, идеально подходила для роли нимфетки. Школьное платье с белым фартуком, белые гольфы, целомудренные трусики и аккуратно заплетенные косички. Все это приводило супруга в состояние неистового возбуждения, и он с трудом сдерживал себя, чтобы сразу не накинуться на ученицу, строившую ему глазки, а прочитать ей нотацию относительно неправильного поведения и плохой успеваемости. Таня опускала глазки, краснела, а потом присаживалась рядом с «учителем». Дальше все развивалось по отработанному сценарию: сначала объятия и поцелуи, потом первые попытки снять трусики и игривое сопротивление. Ну а затем происходило то, за что по статьям 131 или 132 Уголовного кодекса РФ предлагалось на выбор суда от 8 до 15 лет лишения свободы.

К решительным действиям по отношению к взаимным тайнам и непоняткам супруги приступили практически одновременно. Он нанял частного детектива из авторитетного агентства, чтобы тот проследил контакты супруги вне дома: массаж, спорт, салоны красоты, шопинг и, главное, время от времени случавшиеся визиты к подругам, которые он не одобрял (можно и дома посидеть), но и не запрещал, поскольку пытался дать молодой жене иллюзию свободы. Она же в свою очередь через институтскую сокурсницу Ирку, встреченную в магазине, нашла ее младшего брата, выдающегося юного хакера, только-только вышедшего из тюрьмы, где он отбывал два года за взлом компьютерной сети Пентагона.

И за что его посадили? Какое дело было до этого нашим? Ну взломали сеть, но не нашего же Минобороны, в котором ее в общем-то и нет, а ведь чужую, да еще и главного вероятного противника. Так нет, по американской наводке и в строгом соответствии с «международными обязательствами» отыскивали двадцатилетнего гения и впяли ему срок. Судья, правда, все время путался, не понимая, где биты, где байты, что такое аски, ники и всякие там браузеры. Зато такие словосочетания, как «секретная информация», «ущерб национальной безопасности» и «статья Уголовного кодекса», давались ему очень легко. Поскольку судила хакера военная коллегия и в закрытом режиме, информации, за что его все-таки посадили, было немного. Сам же он после полугода, проведенного во время следствия в «Матросской Тишине», был чуть ли не счастлив, что так легко отделался, и дал себе слово впредь с государственными организациями не связываться.

Срок свой он отбыл не полностью, поскольку в Штатах выяснилось, что местные генералы подняли тревогу лишь из-за того, что парень, путешествуя по компьютерной сети Пентагона, набрел на спрятанную от посторонних глаз информацию о финансовом обеспечении

общей с нашими программы «Партнерство во имя будущего». «Во имя будущего» совместным российско-американским предприятием, состоявшим из нашего и ненашего генералитета, было своровано и отправлено на Каймановы острова двадцать с лишком миллионов баксов. В результате количество военных руководителей в наших странах сократилось пропорционально исчезнувшим деньгам, списанным на программу, а парень, не досидев пару месяцев, был выпущен на свободу. И пока его не нашли какая-нибудь из бандитских группировок, чтобы привлечь на свою сторону «типа поработать», или отечественные спецслужбы (с той же целью, но за гораздо меньшие деньги), подсуежилась родная сестрица и рассказала о возможности легкого заработка. «Комп распаролить? Да это как два пальца обоссать! – гордо заявил хакер. – А за полтонны баксов я с ним вообще что угодно сделаю...»

На следующий же день, пользуясь отсутствием мужа, улетевшего на несколько дней по делам в Лондон, подружки завели недавнего заключенного в святая святых огромного особняка на Новой Риге. На столе в кабинете стоял выключенный двадцатидюймовый монитор. В его объемистом основании скрывалась вся навороченная начинка «Макинтоша». Клавиатура же, тоненькая, как обычный коврик для мышки, но с сенсорными клавишами, лежала прямо перед рабочим местом. «Ни фиги себе! – восхитился парень. – Таких я еще не ломал!» Правда, когда хозяйка заволновалась относительно успеха предприятия, он успокоил ее тем, что машины эти вышли лишь несколько месяцев назад, когда он еще был в своей привилегированной тюрьме в подмосковном Серпухове. Ему даже прислали с воли журнал, в котором описывались чудесные возможности таких аппаратов. Вот только «живьем» он их не видел...

Хакер достал диски, флешки, на случай взятые взаймы у приятеля (собственные изъяли при аресте), небольшой ноутбук и, соединив его через USB-порт с «Маком», начал щелкать клавишами, время от времени поглядывая на экраны. Большой монитор оживился, и на нем появилось изображение отгрызенного яблока и строчка запроса пароля. Щелканье продолжилось с новой силой, время от времени прерываемое азартными возгласами: «Сейчас мы тебя, гада, вскрыем!» и «Ну, милый, не упрямясь, открой личико!» По экрану маленького ноутбука пошли ряды цифр и букв. «Еще полчаса и все, – гордо сказал народный умелец. – А кофе в этом доме есть?» Попили кофе, поболтали о тюремном житье-бытье, а затем вернулись в кабинет. «Ну вот, красавец! А ты вскрываться не хотел! – с этими словами хакер нажал клавишу ввода. – Что искать-то будем?»

Дамы в первую очередь хотели посмотреть, с какими – такими «одноклассниками» и «одноклассницами» общается любимый супруг. Задача была поставлена, и соскучившиеся по клавиатуре пальцы хакера заскользили по сенсорным кнопкам. Через пару минут молодой человек повернулся и внимательно посмотрел на подружек. «Никаких «одноклассников» и прочей такой байды тут нет. Комп вообще к инету не подключен!» Услышанное повергло девиц в шок, но они решили идти до конца. «А можно посмотреть, что там есть?» Еще через минуту-другую шелеста клавиш на экране показалось видеоизображение. Какая-то комната, где женщина аккуратно вытирала тряпкой пыль со стола. «Танька! – завопила подруга! – Это же у вас в верхней гостиной! И горничная ваша!» А парень переключал каналы. В одном месте был просто темный экран, в другом ходила собака, и камера работала, а в спальне ветер через открытое окно развеивал занавески, и камера демонстрировала великолепные возможности разрешения: кровать выглядела как операционный стол в ожидании больного: великолепно освещенная и с максимумом деталей. Можно было рассмотреть каждую ниточку вышивки на покрывале...

«Ну ни фиги себе у вас тут картинка! – восхитился хакер. – И файлов полно всяких! Какая-то дополнительная память подключена...» В общем, не нужно рассказывать, что ближайшие сутки заговорщицы вместе с бойцом компьютерного фронта лазили по бескрайним просторам накопителя. Потом отыскивали глазки камер. Потом перегоняли на внешний

жесткий диск самую нужную для себя информацию. Особое внимание привлекли записи из спальни, которые хакеру смотреть не дали, а также последняя беседа мужа с частным детективом, просмотр которой время от времени прерывался скрипом зубов и шипением возмущенной Татьяны. Но самое важное было впереди. Незадолго до отъезда мужа она на сутки уехала к родителям. И, просматривая записи того дня, вдруг натолкнулась на знакомую сцену: супруг сидит на диване, а рядом с ним – девочка в школьном платье и белых гольфах. Вот только девочка эта не имела к Татьяне никакого отношения. При ближайшем рассмотрении в ней можно было узнать тринадцатилетнюю дочку соседей по городской квартире. Девочка не особо стеснялась – похоже было, что «играет» она не в первый раз. Но состав преступления был налицо, и никакой адвокат мужу не помог бы...

Остальное время мужниной поездки было потрачено на то, чтобы разыскать и стереть всю информацию о пребывании в доме юного специалиста по компьютерам, а также скопировать DVD из избранных материалов, «гвоздем» которого были записи забав супруга-педофила. Теперь находившаяся в бешенстве женщина была готова ко всему. Даже к результатам расследования, которое ко времени приезда мужа должен был завершить детектив.

Двухнедельный труд частного охрannого предприятия «Эй секьюрити» и лично детектива – лучшего специалиста по «грязному белью» Игната Гармаша, который, правда, утверждал, что его фамилия не слоняется, тоже дал свои плоды. Конечно, качество аудиовидеоматериалов и фотографий было не такое, как в домашнем компьютере, но они вполне определенно демонстрировали мужу, что вне дома Татьяна – совершенно другая женщина. Вернее, женщина-то она та же самая, молодая, красивая, сексуальная и страстная. Вот только страсти эти принадлежали в «недомашнее» время по крайней мере трем разным мужчинам: массажисту Игорю, тренеру по фигурному катанию Вовчику (им персонально, как и тренировками, девушка увлеклась, посмотрев «Ледниковый период»), а также старому пердуну Константину Соломоновичу Шпицу, который вообще неизвестно что делал в молодежной компании, но аж целых три раза за отчетный период пользовался благосклонностью дамы в квартире ее подруги Аннушки. Впрочем, Аннушка-то знала, почему Татьяна столь близко и охотно общалась со Шпицем. Тот, встретившись с последней на вручении премии «Тэффи», которую частично спонсировал муж Татьяны, пообещал ей не только головокружительную карьеру телеведущей, но, что было самым главным, взял на себя задачу убедить в ее талантливости и необходимости для отечественного ТВ родного супруга.

Понятное дело, после просмотра мужем подготовленного детективом фильма о невинных развлечениях с Константином Соломоновичем, которого, кстати, любили обвинять в гомосексуализме, все вопросы о ТВ автоматически снимались с повестки дня. Сам генеральный продюсер, между прочим, активно поддерживал «голубую» версию, что, с одной стороны, худо-бедно, наравне с положением и деньгами, привлекало к нему особ женского пола, а с другой – оставляло его практически вне подозрений ревнивых супругов и бойфрендов. Правда, один криминальный авторитет, обнаруживший у своей не совсем трезвой и поэтому утерявшей бдительность подружки, только-только приехавшей с кастинга на ТВ и сразу затянутой им в койку, использованный презерватив внутри известного детородного органа, устроил ей допрос с пристрастием. Выяснив правду о Соломоныче, как его ласково называли друзья, он поклялся застрелить блядуна, но не успел. Продюсер, которому испуганная «теледива» с выбитым зубом, обширными кровоподтеками и синяками по всему телу рассказала о планах мести, среагировал быстрее, чем можно было бы от него ожидать. Несостоявшийся мститель, как говорилось в сводке столичного ГУВД, «был на выходе из дома застрелен из неустановленного огнестрельного оружия неустановленными лицами». Лиц этих потом удалось установить и даже найти, вот только рассказать ничего путного они уже не могли, поскольку получили по пуле в затылок и были прикопаны прямо рядом с Кольцевой автодорогой в леске близ Теплого Стана. А подлечившаяся и вставившая стараниями

Соломоныча красивый зубной имплантат девушка теперь рассказывает телезрителям одного популярного телеканала о погоде и время от времени пользуется вниманием своего благодетеля, который, как высококвалифицированный управленец и мудрый руководитель, никогда не бросал на произвол судьбы возвращенные им кадры.

Закончилась поучительная история следующим образом. Прямо из аэропорта возбужденный муж отправился в детективное агентство, где получил шокирующую информацию о похождениях супруги в его отсутствие. Всю дорогу до дома он строил планы мести, один страшнее другого, но там вместо Татьяны его встречали известные всей стране адвокаты Гарри и Генри, которые предложили ему ознакомиться с исковым заявлением жены, требовавшей, вопреки брачному контракту, половину всего имущества. После чего он получил «для информации» копию записанного его благоверной диска с избранными местами из домашнего архива. Посмотрев минут десять, как он лично закладывает одних своих знакомых другим, а также сюжеты, где соседская девочка в парадной школьной форме играет со своим «учителем» в совсем недетские игры, супруг решил, что требования жены юридически вполне обоснованы. Дом, правда, ему удалось отстоять, но потом примерно месяц швейцарские мастера аккуратно демонтировали камеры, провода, микрофоны, системы освещения и передачи данных, а потом отключали гигантский накопитель. Его все-таки было решено оставить на память, но хранить в швейцарском же банке, может, пригодится когда-нибудь...

Так что подсмотреть, где валяется мое утерянное имущество, странный гражданин никак не мог. И мне с ним стало как-то не совсем уютно, как бывает с врачом или, скажем, следователем, который знает о тебе такое, чего ты сам не знаешь. Но идти в казино, отыскивать за унитазом зажигалку, хоть и дорогую, не хотелось. Чувствовать на себе сочувственные либо презрительные взгляды окружающих и излишнюю предупредительность персонала было для меня сомнительным и по этой причине не особо желанным удовольствием.

– Не хотите возвращаться, Роман Львович, а придется. Не за зажигалкой, правда, – ее, скорее всего, вы опять где-нибудь забудете или потеряете. Если вы заметили, это происходит у вас с пугающей регулярностью. А вернетесь вы за тем, чтобы снова поиграть с дьяволом, только уже игрой управлять будет не казино, а вы лично. Надо только хорошенько подумать, как вы это будете делать и для чего вы используете плоды победы, которая, как вы изволили отметить про себя, когда начинали сегодняшнюю игровую сессию, «будет за нами»...

Мысль вернуться в казино, чтобы отыгрываться, мне была более интересна, чем просто пойти в сортир за зажигалкой. Но для этого ведь нужны какие-то деньги, хотя бы первоначальный капитал. Интересная мысль начала ездить по мозгам, пытаюсь их расшевелить, но ничего более умного, чем доехать до ближайшего ломбарда и заложить свой «Ролекс», неожиданно остановившийся на цифрах 7.40, внутренности моей головы придумать почему-то не могли.

– А зачем в ломбард-то? Люди, они ведь по природе своей ленивы и ненаблюдательны. Они часто не видят того, что происходит рядом с ними. Вам давно не случалось находить денег? Просто так, на улице?

– Какая улица, слушайте? Сейчас во время кризиса любую копейку подберут, желающих предостаточно. И где они, ваши деньги?

Я на всякий случай осмотрел абсолютно пустые, чисто выметенные шустрыми среднеазиатскими дворниками окрестности казино. Ничего похожего на доллары, евро или хотя бы рубли в пределах прямой видимости не было. Да и людей, которые могли бы потерять хотя бы сотню долларов, я тоже не видел. Лишь два узбека в спортивных костюмах и оранжевых жилетах, закончившие свою уборочную страду, шли мимо нас по направлению к соседнему магазину.

– А вот теперь смотрите, Роман Львович, смотрите очень внимательно. Сейчас у ближайшего к нам гастарбайтера из кармана вывалится бумажка в сто долларов. И эта сотня станет вашей...

При этих словах моего странного собеседника узбек полез в карман и достал пачку дешевых сигарет. А в процессе этого доставания на асфальт, мягко планируя, полетело что-то зеленоватое. И у меня, к моему удивлению, даже мысли не возникло, что это не стодолларовая купюра. Бумажка упала и осталась лежать, причем по какой-то неведомой мне причине внезапно подувший довольно заметный ветерок никак не мог поднять ее снова в воздух.

Мне вспомнилась история из старых времен, которую рассказывал однажды Андрей Макаревич. «Машина времени», находившаяся на пике популярности, гастролировала тогда в одной упряжке с ансамблем эстрадного танца «Сувенир». Дело было в Питере, который в те годы еще именовался Ленинградом, во дворце спорта «Юбилейный». Перед сценой специально для танцоров был уложен паркет, где они, собственно, и работали почти все первое отделение. Надо сказать, артистов тогда не особенно баловали, суточные были маленькие, а до зарплаты оставался ровно день. И вот жестокий Макаревич, у которого всегда была заначка, с помощью техников «Машины» самой что ни на есть крепчайшей и быстросохнущей эпоксидной смолой (клея «Момент», а тем более суперклея тогда еще не было) приклеил к паркету трехрублевую купюру.

А потом, во время концерта, началось необыкновенное шоу, замешанное на стремлении артистов хоть как-то обогатиться. Стройные ряды танцоров вдруг неожиданно, даже для худрука «Сувенира» Тамары Головановой, меняли конфигурацию, причем все время в одном и том же месте. Артисты во время зажигательного танца вдруг более или менее мотивированно наклонялись или приседали и проводили рукой по паркету. Затем уносились, влекомые общим ритмом действия, куда-то в сторону, чтобы затем вернуться и повторить попытку. А посвященные в тайну трешки «машинисты» дружно ржали за кулисами.

Так вот, стодолларовая купюра лежала на асфальте как приклеенная. Я уж было собрался встать и поднять ее, но был остановлен жестом моего соседа.

– Вы не волнуйтесь, никто ее не возьмет. Люди, как я вам говорил, крайне ленивы и ненаблюдательны.

При этих словах проходившая мимо нас девица наступила шпилькой прямо на заветную бумажку. Шедшая за ней сгорбленная старушка с палочкой, казалось, смотрела прямо на купюру, но не видела ее! Еще человек пять прошли мимо очень заметной на асфальте сотки. Тогда я не выдержал, встал, прошел несколько шагов и поднял листок бумаги с изображением Авраама Линкольна. Как я начинал догадываться, он не был приклеен, а просто лежал себе один-единешенек и как будто ждал меня...

– А вот теперь, уважаемый Роман Львович, возвращайтесь в казино и обыгрывайте Сатану, благо сейчас ему не до вас, – у него в Боливии и Колумбии неприятности. Только вот возьмите одну маленькую вещицу, которая вам сильно поможет.

С этими словами он дал мне довольно увесистую монету. По виду это был обычный советский рубль с огромной стилизованной лысой головой, выпущенный к юбилею Ленина в 1970 году. Правда, показался он мне уж слишком тяжелым.

– Свинец, что ли?

– Да разве я могу предложить благородному дону свинец? Чистая платина!

При этих словах на меня повеяло чем-то из Булгакова, но я по непонятной для себя причине заострять внимание на этом не стал.

– И правильно делаете, это всего лишь слова. Людям свойственно искать в них аналогии, совпадения, похожести разные. И это часто вводит их в заблуждение. Самые страстные и истинные признания в любви были изложены в наибанальнейшей форме. И оттого, что они повторялись миллионы раз, суть и эффективность их не изменилась. Так что вы сей-

час смело войдете в казино, прикупите чуть-чуть фишек, сядете за игровой стол, положите на него ваш новый талисман, а на рубль – левую ладонь, разведя пальцы так, чтобы они смотрели в направлении крупье. И играйте смело. Часа два у вас есть, пока хвостатый будет разбираться со своими латиноамериканскими наркобаронами. А вот потом, когда вы вернетесь, мы с вами побеседуем, но уже более предметно. Кстати, знаком к тому, что вам пора на выход, будет печально известный вам блондин-крупье, которого вы до сегодняшнего дня ни разу не видели. Он, кстати, вообще не работает ни в этом казино, ни в каком-либо другом. Но как увидите его, сразу на выход!

С сотней долларов и ленинским рублем в кармане я решительно двинулся в казино. «Забыли что-нибудь, Роман Львович? – участливо, но с определенной долей язвительности приветствовал меня охранник на входе. – Кстати, у гардеробщика зажигалка лежит, – уборщица в туалете нашла. Не ваша ли?» Не удостоив мастера охранных дел ответом, я прошел к гардеробу, по-хозяйски протянул руку, недобро посмотрев на переговаривавшихся о чем-то служителей заведения. Зажигалка приятной золотой тяжестью легла в мою ладонь. «И это они будут мне рассказывать, что добросердечная уборщица нашла золотую зажигалку и не заныкала ее! Таких дур уже давно и на свете нет!»

Поменяв свою сотку на фишки, я решительно двинулся к рулетке. Довольный Лева Новоженков приветствовал меня приподнятым бокалом коньяка. Судя по его игривой физиономии, похожей на черепаху из детского мультфильма советских времен, он был в приличном выигрыше и не менее приличном подпитии. Махнув ему в ответ, я сел за стол, взглянул в глаза крупье, лысеющему шатену с непроницаемым лицом, и поставил свою сотку на число 13. Про себя отметил, что, когда я вытащил платиновую голову Ильича, положил на стол и накрыл растопыренной пятерней, крупье едва заметно передернуло. Лицо, правда, осталось абсолютно бесстрастным. Не убирая ладони с рубля, я спокойно смотрел за вращением шарика. И даже стук кости об дерево был для меня теперь прелюдией к победному маршу. 13!!! Кто бы сомневался?

Крупье подвинул лопаточкой ко мне горку фишек. Я аккуратно сложил их в столбики и снова поставил, но уже двести долларов, на ту же цифру! Заинтересовавшиеся процессом немногочисленные игроки и девушки не самого тяжелого поведения, всегда готовые разделить успех, деньги, койку и все что угодно с везунчиком, стали постепенно подтягиваться ближе. Я спокойно упорядочил новую порцию фишек, придвинутых ко мне крупье, и попросил привилегию в правилах: возможность ставить по 1500 долларов на число. С таким же непроницаемым лицом он сухо извинился и пошел в сторону администратора, а ему на смену спешил уже другой человек в белой рубашке и бабочке. Поздоровавшись со мной наклоном головы, он сообщил, что мою просьбу казино удовлетворяет, и крупье сказал дежурную фразу: «Спасибо. Ставки сделаны, ставок больше нет» – и кинул шарик в раскрытое нутро рулетки. Надо ли добавлять, что стопка фишек, символизировавшая ставку в штуку «зеленых», уже стояла на той же цифре 13? Через минуту я услышал: «Поздравляю вас!» – и увидел придвигаемую ко мне солидную батарею фишек, составлявшую пятьдесят пять тысяч баксов. Двинул одну двадцатипятидолларовую в сторону крупье «на чай», а затем решил взять небольшой тайм-аут. Стакан моего любимого односолодового виски, который друзья именуют «Фэймос Трахтенберг», уже был на подносе у стоявшего за моей спиной официанта.

Потягивая ледяной напиток, я снова, теперь более внимательно, осмотрелся. Казалось бы, ничего нового. Вот только около входа в административную зону наблюдалась какая-то суета. Крамольную мысль зафиксировать выигрыш, выкупить машину у банкира, который еще не отбыл восвояси, а потом снова начать играть на оставшиеся деньги я отогнал сразу. Если уж играть, то каждый раз или на все, или, во всяком случае, на приличную сумму. Располовинив на глазок свои фишки, я поднял глаза на крупье. «Ваши ставки, господа», –

произнес он. Я двинул тысячный столбик в его сторону и снова сказал: «Тринадцать!» Взял сигарету, отхлебнул вискарика, и... шарик остановился в одном шаге от очередной победы – в соседней ячейке с номером 36! Крупье забрал мою ставку, и только тут я осознал, что мой талисман лежит себе бесхозный слева от меня на столе. «Идиот! – подумал я. – Забыл про рублик-то!» Быстро положил руку на монету, ощутив ее странную теплоту, а затем уверенно поставил на число шесть. Через минуту мой баланс был серьезно пополнен! Не задумываясь, сыграл на шестерке еще трижды, потом вернулся к тринадцати. Выиграл опять. В любой другой стране меня бы уже привлекли к судебному разбирательству, – ведь даже два раза подряд одна и та же цифра выпадает крайне редко. А я выигрываю себе, то на шестерке, то на тринадцати. Более того, я попросил закрыть для меня рулетку и перейти в VIP-зал, где можно было поставить до 10 тысяч долларов на число. Каких-то две игры по максимуму, и я не только восполнил свои потери, но и оказался в серьезном плюсе. Тут очередной крупье покинул свое место, и я увидел, что в зал ему навстречу входит уже знакомый мне блондин. Напрочь забыв о совете, полученном от моего нового знакомого, я решил сыграть последний раз. Поставил снова на тринадцать. Блондин вопросительно взглянул на меня. «Тысячу долларов. На тринадцать», – сказал я. Сунул платиновый рубль в карман и стал спокойно наблюдать за манипуляциями крупье. Вот шарик вброшен, вот он раскручивается, начинает прыгать по канавкам с цифрами и вдруг по какой-то немыслимой траектории вылетает и попадает блондину в левый глаз!

И только тут мне вспомнились слова моего уличного знакомого о том, что появление блондина ничего хорошего мне не сулит. Продолжать шоу я не стал. Попросил собрать, подсчитать и обналичить мои фишки и пошел к бару. Щедро раздавая чаевые официантам и заслуженные гонорары симпатичным болельщицам, явно жаждавшим продолжения банкета, я таки добрался до бара, чтобы выпить еще глоток «Фэймос Трахтенберга». Там меня и нашел заранее предупрежденный мной администратор, который очень оперативно расплатился из моих выигранных денег с кредитором-банкиром. Тот лично и с неожиданной теплотой поздравил меня с успехом и даже (что было для него редкостью) записал на своей визитке номер мобильного. Я взглянул на изящный картонный прямоугольник. «Александр Чертков – президент». И самый обычный эмтээсовский номер. Никаких тебе трех шестерок или прочей символики. Впрочем, нет. В номере после кода +7 ни одна цифра не повторялась. Странноватый номерок. Но еще более странным было то, что я мгновенно заметил его особенность, хотя раньше никогда не обращал внимания на цифры. Все-таки есть тут какая-то чертовщина!

В сопровождении казиношных охранников с сине-желтой сумкой «Икеа» (другой у казино не нашлось), частично заполненной деньгами в купюрах разного достоинства, я вышел на улицу. Первое, что я увидел, – это мой родной и, казалось бы, уже безвозвратно утерянный «Лексус». Несколько натянуто улыбавшийся администратор вручил мне ключи и документы и пригласил «захаживать». «Хрен вам, – подумал я, – второй раз в такую авантюру, как игра с дьяволом, меня не заманишь». Стал искать глазами своего благодетеля, но увидел лишь спешившего к входу в казино Володю Соловьева. Он тоже, казалось, искал кого-то. Равнодушно кивнув мне, он поспешил к какому-то гражданину с чистым продолговатым лицом и тонко очерченным носом, похожему на евроамериканца, кто не понял – американца еврейского происхождения. «Вот, – подумал я, – сейчас он назовет товарища Даниилом и поедет с ним куда-нибудь в Лондон, Париж или, на худой конец, в Кремль – вершить судьбы человечества...»

– Здравствуйте, Ицек Натанович! Как вы добрались? Как Софья Моисеевна, как дети? – раскрывая объятия, воскликнул Соловьев.

– Спасибо, Владимир Рудольфович! А деньги-то вы не забыли привезти?

При этих словах Соловьев, у которого в руках я заметил объемистый сверток, был увлечен своим хитро уклонившимся от объятий знакомцем в сторону от игорного заведения. Моего же нового приятеля в поле зрения так и не возникло. «Ну что, – думаю, – сначала в банк, деньги на счет, новую карточку завести, а может, на старую положить, просто сменив пин-код. Нет, лучше новую, кто их, чертей, знает? Наличных с собой взять тысяч пятьсот, а остальное – в ячейку...» С этими мыслями я последний раз осмотрелся, завел мотор и отбыл восвояси. Уже выехав на Тверскую и зайдя в банк, я понял, что, кроме отсутствия гражданина с бриллиантовым перстнем, подсознательно беспокоило меня. Зажигалка! Я так и забыл ее на рулеточном столе. «Ну и бог с ней», – подумал я и тут же чуть ли не впервые в жизни устыдился своих мыслей, – оставить кусочек золота на Божью волю в обители дьявола было бы неправильно. Пришлось, нарушая известную народную примету, вернуться и попросить администратора разыскать зажигалку.

– Ну, Роман Львович, – как бы в шутку начал он, – с таким выигрышем и думать о каких-то забытых мелочах!

– Мухой!

Несколько опущенный моим повелительным взглядом (у меня бывает такой, когда я выигрываю), администратор ринулся в недра казино и через несколько минут притащил зажигалку.

– Вот, у официантки была, думала, что никто не заметит, как она ее стащила, но у нас же, понимаете, камеры везде. Служба безопасности ее и вычислила. Только вы знаете, мы не можем ее просто так вам отдать. Нужно еще составить акт, вызвать милицию, понятых обеспечить. Так что подождите с полчаса, или завтра заезжайте, мы все для вас приготовим.

Я буркнул им что-то насчет бюрократии и, пообещав заехать завтра, сел в машину и завел двигатель. «А жизнь-то в принципе налаживается», – вслух сказал я, великий и ужасный Роман Львович Трахтенберг, и нажал на газ. Жизнь определенно начинала налаживаться!

На выходе из банка я увидел-таки знакомую фигуру своего благодетеля. Мне показалось странным, что он не встретил меня ни у казино, ни на входе в финансовое учреждение. По моему пониманию, советы его стоили достаточно дорого, и я готов был, при всей своей рачительности, серьезно поделиться с ним выигранными деньгами. Вот только думал, сколько же ему предложить: десять процентов, тридцать, половину? Про себя решил, что отдам половину, и это будет справедливо. Почему? По дороге в банк я уже задавался этим вопросом. Интересно бывает принять решение, а потом начать анализировать, почему ты это сделал. Раньше мне в голову такого не приходило: решил и решил... А тут я как бы сверху смотрю на себя и сам же отвечаю: за найденные и сданные государству ценности сознательному гражданину выплачивается сумма, равная половине стоимости этих ценностей в рублевом эквиваленте. Значит, все правильно!

Мой новый знакомец приветствовал меня улыбкой и фразой: – А имя мое, между прочим, Алексей!

– Божий человек, что ли? А по отчеству как?

– Алексеевич, естественно. А не слишком ли много вопросов относительно моей скромной персоны? Как игра прошла? Не очень они там, в казино, расстроились-то?

– Игра была что надо! Вот, кстати, ваш гонорар за консалтинговые услуги – в сверточке этом ровно четыреста двадцать тысяч американских долларов.

С этими словами я скрепя сердце (все-таки жадность человеческая неистребима) протянул Алексею пересчитанную и перетянутую банковской резинкой пачку. Расставаться с ней было жалко, но в последнее время я со стольким расставался, что это уже вошло в привычку.

– Роман Львович, вам они, я думаю, будут нужнее, более того, я в этом просто уверен. А что до меня, то есть у меня к вам одна просьба...

– Как говорил старина дон Корлеоне – предложение, от которого нельзя отказаться?

– Да отказаться-то можно. Но вот нужно ли это? Попробуйте вспомнить все, что с вами творилось в последние пару недель, подумайте хорошенько, почему все это происходило именно с вами и именно сейчас. Вы же человек умный, опять же учитесь быстро. Вот даже свои решения анализируете. Прогресс налицо! Так что давайте вы сейчас отправитесь домой, примете душ, кофейку выпьете, а потом, часика через два, мы с вами встретимся. Ну, скажем, у входа на Ваганьковское кладбище. Договорились? А денежки спрячьте. Понадобятся они вам...

Я охотно бросил пачку в похудевшую было сумку с надписями цвета серы, выданную мне в казино, и протянул Алексею руку:

– Давайте знакомиться. Трахтенберг Роман Львович – ваш должник.

Он крепко пожал протянутую ладонь и сказал:

– А сумочку-то вы лучше выкинули бы в ближайшую помойку. Неправильная она какая-то. Нет, деньги оставьте, в конце концов, вы вернули свое, честно заработанное. А вот сумочка – чужая, не нужна она вам.

Хотя перспектива через пару часов оказаться на кладбище меня не особо привлекала, я согласно кивнул, аккуратно вытащил свою руку из мощной длани Алексеича (так я его решил про себя называть) и стал загружаться в свой родной «Лексус». Вняв совету, переложил деньги в пластиковый пакет из «Седьмого континента», валявшийся у меня на заднем сиденье, а сине-желтую сумку выбросил в мусорный ящик во дворе своего дома. Поднявшись наверх, зайдя в квартиру и не успев еще зажечь свет, я увидел в окне какие-то отблески. Кинул пакет на пол, подошел к окну и выглянул наружу. Помойка горела ярким пламенем...

Глава 2

Говорят, у главного редактора газеты «Московский комсомолец», а в просторечии «МК», Павла Гусева есть любимая шутка. Когда человек, который звонит ему по телефону, произносит приветственные слова и спрашивает: «Как дела?», тот отвечает ему: «Да пока ты не позвонил, все было неплохо...» Именно такой фразой хотелось бы мне ответить неделю назад программному директору радиостанции, на которой в то такое близкое и одновременно далекое время я имел честь вести суперпопулярное вечернее шоу. От беседы с ним я точно не ожидал ничего хорошего. Тем более что накануне допустил во время передачи нарушение формата, хоть и не по своей воле: очередной идиот, узнав, что он в прямом эфире, прямым текстом послал меня на три буквы. И казалось бы, что тут такого, сказал запретное слово лишний раз, да еще не в адрес радиостанции или программного директора, а меня, Романа Львовича Трахтенберга лично. И именно я должен был переживать по этому поводу, хотя, признаюсь честно, абсолютно не переживал.

На самом деле, я думаю, что все эти трюки с форматами придумали сами владельцы и директора радиостанций, чтобы платить своим ведущим как можно меньше денег. Поставил неформатную песню – штраф, упомянул в позитивном контексте конкурента – снова штраф, пожурил политика, который, по несчастью, оказался другом кого-то из начальников, то же самое. А уж если поднял руку на святое – рекламодателей и спонсоров, то вообще можно вылететь с радиостанции в одну минуту без выходного пособия. В моем случае употребление кем-либо лишнего слова, однозначно относившегося к матерщине, могло привести к непредсказуемым последствиям.

Мою работу на радио трудно назвать безгрешной, но я лично, сколь удивительным это ни казалось бы интересующимся гражданам, ни разу не выдал в эфир матерного слова. Но все почему-то абсолютно уверены в том, что это было, вот только они случайно прослушали. А подняться повыше и понять, что такое имидж, эпатаж и тонкая интеллектуальная игра «на грани», умственное развитие им не позволяет. К примеру, если юная особа накрадется поярче, наденет юбочку покороче, а блузку потеснее, да еще с декольте, взгромоздится на высокие каблуки, завилает попой, так кто же не скажет, что она шалава прожженная? А ей-то всего четырнадцать лет, и она еще и мужского-то полового, извиняюсь, члена живьем не видела! Но никому до этого нет дела – шалава, и все тут. Ну а я соответственно – шалавей!

Однажды я попал в очень забавный коллектив французской радиостанции «Опа плюс». В этой «Опе» было совсем немного ведущих, практиковавших традиционную сексуальную ориентацию, кроме меня человека два, наверное. И сама система отношений там была, я не побоюсь этого слова, педерастической.

Кстати, несколько отвлекаясь от темы, расскажу короткую историю о том, как выступал недавно перед студентами факультета журналистики. Один из них, уж очень активный, клялся, что слышал от меня лично в эфире матерное слово, а на мою просьбу напомнить, какое именно, сказал, покраснев, что это слово «педераст». «Чему же вас тут, друзья мои, учат? – спросил я возмущенно. – Да какой же это мат-то? Вы русского языка не знаете, что ли? Откройте энциклопедию, медицинскую или простую. Вот у меня по случаю с собой оказался шестой том Малой советской энциклопедии 1931 года издания. Страница 370: «Педерастия, мужеложство, извращенные гомосексуальные половые отношения среди мужчин». Это научное и медицинское понятие, а не ругательство даже!»

Так вот, отношения на «Опе» были самые что ни на есть извращенные. Любимый прием, который ежегодно использует администрация «Опы», – это увольнение ведущих таким образом, чтобы они не смогли найти себе работу нигде и не достались конкурентам. Подлость, коварство и точный расчет – вот основные боевые качества, которые демонстри-

руют французскоподданные, точнее, те, кто под их началом работает. Скажем, отбомбил ведущий сезон, который заканчивается 1 июля. Ничего не подозревая, идет через пару недель в отпуск на месяц, а потом, когда возвращается на работу, его встречают следующей фразой: «Извините, но в ваших услугах мы больше не нуждаемся!» И все! Коварство заключается в том, что на всех радиостанциях эфирная сетка составляется начиная с июня, а в августе ее изменить не может уже никто, поскольку до начала нового сезона (1 сентября) времени не остается. И ведущий, которого выдавили из «Опы», остается в любом случае без работы до следующего года. Если он звезда, как ваш покорный слуга, например, то еще может рассчитывать на что-то, хотя бы в будущем. Но если это обычный рядовой работник... До свидания! За год его имя забудут все. Вот поэтому на этом радио и работают обычно не больше двух лет, а потом исчезают быстро и в никуда.

Я же ушел из «Опы» по собственной инициативе. Ставший единственным ее владельцем месье Жорж, француз убогий, устроил общее собрание коллектива. Я летел на него из Питера, где снимался в каком-то сериале, а затем (дело было днем) медленно тащился из Шереметьева по забитой машинами Ленинградке. В результате, когда я с опозданием на три минуты прибыл в «Опу», двери кабинета нового владельца были закрыты. Через пару минут подошла еще одна ведущая, также ставшая жертвой московских пробок. А еще через четверть часа двери открылись, и нас, как провинившихся школьников, вызвали на ковер. Тут и выяснилось, что месье Жорж штрафует нас за опоздание на 10 процентов зарплаты. Не то чтобы меня сильно душила жаба, но терять 500 долларов из-за трехминутного опоздания я не собирался. В ответ на мое замечание о несоответствии масштаба наказания характеру преступления я услышал заявление, что месье Ж. считает, что на радиостанции есть только одна звезда – это «Опа», и мнение тех, кто считает себя звездами на его станции, никого не интересует. Тогда я просто взял и уволился, причем выбрался из «Опы» с наименее возможными потерями.

А потом было «Русское радио», где я в принципе чувствовал себя легко и комфортно. К ведущим там относились как к людям, причем некоторые из них работали там со дня основания, а не по два года, как в «Опе». Управлял этой станцией холдинг под названием «Русская медиагруппа», который основали два Сергея: Архипов и Кожевников. Первый – седой и кучерявый, второй – блестяще-лысый. Первый ведал креативной политикой, то есть всем, что связано с наполнением эфира. Второй же работал с финансами, рекламой и занимался администраторской работой. Станция развивалась и расширялась, получала новые частоты, открывала своих «дочек»... Естественно, они не могли пройти мимо освободившегося из «Опы» выдающегося радиоведущего Романа Львовича Трахтенберга, и я получил достойное место в сетке вещания этой весьма популярной в то время станции.

А потом случился конфликт, объяснить который иначе как дьявольскими кознями невозможно. В результате через две недели Архипов продал свои ценные бумаги оставшимся акционерам за 47,5 миллиона долларов и ушел. Заметим в скобках, что вскоре он стал заместителем генерального директора ВГТРК.

Первым и самым разрушительным мероприятием (несомненно, без бесовской помощи тут не обошлось) было решение ставшего президентом Кожевникова назначить программным директором Рому Емельянова, который был до этого обычным ведущим на «Ретро FM». Человек, в креативе не смысливший вообще, равно как не отягощенный и особым образованием, он стал устанавливать на «Русском радио» свои порядки. Борьба добра со злом продолжалась недолго. Не выдержав поползновений нечистой силы, станцию покинула лучшая часть творческого коллектива: Бачинский со Стилиным, Андрей Малахов, Сергей Зверев, Александр Карлов и Катя Новикова, Алла Довлатова, Андрей Чижев, Павел Паньков и другие. У меня же до конца контракта оставалось два месяца, и я тоже подумывал об уходе...

Понятное дело, от звонка программного директора на следующее утро после моего «грубого однократного нарушения контракта» я ничего хорошего не ждал. И оказался прав. В довольно сдержанных терминах, что было ему не очень свойственно, он сообщил мне о том, что моя работа на радиостанции заканчивается, что я могу использовать возможность уволиться по собственному желанию либо буду уволен в связи с нарушением контракта в полном соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации. Хотя и обезлюдевшее, но еще барахтающееся «Русское радио» я все-таки любил, а скорее всего, любил его слушателей. Но лишний раз упомянутое, причем не мной, вульгарное простонародное либо ругательное наименование мужского полового органа в один момент перечеркнуло всю любовь и дружбу, равно как и серьезную прибыль, которую станция получала от рекламодателей, дававших рекламу в моем шоу и тянувшихся ко мне спонсоров. Вот так и закончилась славная история «Самого популярного и рейтингового вечернего шоу Романа Трахтенберга», которое заставляло миллионы людей слушать ту чушь, которую мы вместе с ними несли в эфир, и радоваться глотку свободы, оказавшемуся на деле таким коротким.

Когда я ушел с радиостанции, корпоративные мероприятия в свете мирового экономического кризиса практически не проводились, а мой клуб «Трахтенберг-кафе», задавленный гигантской арендной платой за помещение в центре Москвы и прекращением лицензии на продажу алкоголя, законсервировался до лучших времен. Впервые за многие годы я неожиданно остался практически без работы. И это было хуже всего, поскольку у меня была привычка работать много и плодотворно. А тут вдруг образовался своего рода вакуум. Плодов не предвиделось, а реальной возможности вложить куда-либо оставшиеся у меня средства, чуть меньше миллиона долларов, практически не было.

Жизнь в нашей стране во многом напоминает мне игру в футбол. Вот только правила, которые устанавливаются обычно столетиями, могут у нас поменять прямо во время игры. Сыграл защитник рукой, судья назначил штрафной, а противник схватил мяч в руки, побежал к воротам и – ничего. И судья на голубом глазу объясняет, что постановлением правительства с этой минуты разрешено играть руками, но только нападающим и только в течение девяти месяцев. А потом вдруг устанавливаются налоги на бутсы и экологическая норма, запрещающая иметь на них более шести шипов. А затем вводятся запретительные пошлины на иностранных игроков, чтобы своих растили... В общем, вкладывать куда-то деньги значило просто подарить их, причем неизвестным мне гражданам или компетентным организациям. Более того, невложенные либо неосмотрительно вложенные средства упомянутые лица и организации могли без особых формальностей отнять...

Несколько дней я провалялся на любимом диване, читая книжки и лениво думая о том, что надо бы мне все-таки заняться чем-нибудь полезным, интересным и, главное, прибыльным. В голову, однако, лезли всякие идиотские мысли относительно книг, песен, киносценариев, открытия нового клуба или создания искрометного шоу. Останавливала эти мысли только суровая реальность, которая диктовала свои не менее суровые условия: сериалы на ТВ снимали только про любовь, проституток, цыган и борьбу ментов и спецслужб с бандитами, книги выпускались только в жанре фэнтези, а также про любовь, проституток, ментов и бандитов, а клубы и шоу работали лишь под контролем ментов или бандитов (при участии проституток).

Когда я закончил «великое лежание», была глубокая ночь. Хотелось бы для красоты сказать, что было полнолуние, но я, как человек кристально честный и говорящий одну лишь только правду, отмечу, что луны на небе не было вообще. То есть, может быть, она и была где-то, но из моих окон ее видно не было. Ну, так вот, поднявшись с дивана по-серьезному, я стал перебирать различные пластиковые карточки, которые в изобилии лежали у меня в ящике стола. Нашел дисконтную, полученную в хорошем ресторане (правильно, поесть надо), две кредитки, одна из которых – золотая – была, если мне не изменяла память, хранилищем для

зачасти в двести тысяч долларов. И вдруг напоролся на очень красивую, переливающуюся всеми цветами радуги карту с надписью «платинум». Откуда она у меня взялась, я вспомнить не мог, но на ней были выданы мои имя и фамилия, а также стояла моя, Романа Трахтенберга, личная подпись. Под надписью «платинум» был небольшой список того, что полагалось владельцу: бесплатные напитки, бесплатная еда в любое время суток, бесплатные эскорт-услуги, бесплатные апартаменты на ночь или бесплатное же такси до дома. «Что-то слишком много бесплатного, – подумал я, – а ведь бесплатный газ бывает только на Украине...» Но, перевернув карточку, я увидел на ней знакомый логотип казино «Мефисто», в котором время от времени оставлял приличные суммы, за что и удостоился золотой карточки, которая давала некоторые привилегии в этом заведении. Но платиновой у меня точно не было! Тогда я, еще не наученный горьким опытом, не обратил внимания ни на серийный номер – 000666, ни на забавную рожицу черта, которая появлялась на голограмме, если карту чуть повернуть влево.

Подержал карточку в руках, и тут у меня вдруг возникла замечательная, как мне казалось, идея: прошвырнуться до «Мефисто», поесть там хорошенько, благо халява, выпить чего-нибудь, а потом сыграть по маленькой. Правда, есть мне почему-то уже не хотелось, да и выбираться из дома посреди ночи тоже. Я решил вздремнуть еще чуть-чуть, а потом уже подумать об игре и удовлетворить свои, несомненно, сформированные к тому времени гастрономические запросы.

Мне казалось, что я проспал всего минут пятнадцать, но, когда я открыл глаза, был уже день. И проснулся я от голода! Подойдя к холодильнику и открыв дверцу, я обнаружил, что за пять дней лежачего образа жизни успел сожрать все, кроме замороженных продуктов. А мне так захотелось чего-то вкусного! Тут взгляд мой упал на знакомую пластиковую карточку, лежавшую, по непонятной причине, уже на кухонном столе. Взял ее в руки и вспомнил: это же не карточка, а куча бесплатных приложений! Еще раз перечитал список и запнулся на пункте, обещающем эскорт-услуги. Это что же было нужно сделать такое, чтобы вам бесплатно девиц поставляли? Чем, скажите мне, господа хорошие, я это заслужил? В общем, желание поесть, выпить в компании незнакомых мне доселе дам, а также получить свою толику азарта подвигло меня на то, чтобы необычно быстро собраться, взять с собой все наличные и отправиться в казино. И не было у меня на пути никаких девиц с пустыми ведрами, никаких черных кошек, перебежавших дорогу... Разве что банк, куда я собрался положить основную часть своих денег, оказался закрыт на технический перерыв, но я, всегда знавший меру в игре, не придавал этому никакого значения.

Только вернувшись почти через сутки после описанных событий домой, я стал осознавать, что все это было неспроста: и платиновая карточка, невеста как появившаяся у меня (кстати, обещанный эскорт, они, черти, мне так и не предоставили), всякие заманухи в виде бесплатных удовольствий, даже дикий голод и желание выпить не дома, а на публике всего лишь потихоньку подталкивали меня к тому, чтобы ломануться в казино. А упомянутые мной наличные и закрытый среди бела дня банк только укрепили мою уверенность в том, что без рогатого и хвостатого (не путать с коровами, оленями, лосями и прочими благородными, полезными и вкусными животными) тут точно не обошлось.

Блаженствуя в теплой ванне, я потихоньку воссоздавал картину прошедших суток, причем она обрастала все большим количеством деталей, которые я раньше и не заметил бы. И детали эти, складываясь как мозаика, показывали мне картину не очень утешительную: я почему-то уже твердо, твердее некуда, знал, что если дьявол нацелился отнять у меня что-либо, не важно, что: деньги, славу, душу, – он это сделает. Это все равно как бороться с угонным автомобилем здесь в Москве: приглянулась кому-то твоя тачка – ее закажут и угонят. И не поможет ни гараж, ни охрана, ни всякие там спутниковые сигнализации... Значит, надо

было что-то придумывать. Ведь опыт успешной борьбы с дьяволом ограничивался у меня лишь одной победой в казино, да и то достигнутой с помощью Алексеича.

Дорога до Ваганькова заняла у меня минут десять. Самое удивительное, что и пробок не было, и я сам, несмотря на то, что не спал уже вторые сутки, чувствовал какой-то эмоциональный подъем. Отметив про себя, что такого при визитах на кладбище ранее за собой не замечал, я высадился, чуть не доезжая главного входа напротив служебных ворот. Они, обычно приоткрытые, сейчас были заперты на тяжелый замок. А за решеткой дюжий молодец в телогрейке не очень бережно перекапывал почти готовый памятник в виде гранитной плиты, на которой было выбито что-то, по своим контурам напоминавшее задницу. В тот момент, когда он остановился на секунду, чтобы передохнуть, мне удалось рассмотреть под изображением свежевыбитую надпись: «Роман Трахтенберг».

– Эй, любезный, – крикнул я рабочему, пойдика сюда!

Но тот даже головы не повернул и продолжал перемещать памятник к небольшому светлomu строению, по виду – помещению для прощания с усопшими. Я резко ускорил шаг, а потом двинулся почти бегом. Влетел внутрь через главные ворота, побежал направо мимо памятника Высоцкому, затем мимо новенького колумбария и, наконец, оказался на площадке перед траурным залом. Ни молодца в телогрейке, ни памятника! Дверь в помещение оказалась заперта, а напротив нее, прямо на газоне, я, к своему удивлению, увидел две свежие могилы. Думая о том, правильно ли хоронить людей на газонах, я для верности все же обошел окрестности. Обнаружил пару полуготовых плит, но моей фамилии на них не было. Поплелся потихоньку к месту назначенной встречи, но встретил Алексеича уже на главной аллее. Он задумчиво смотрел на памятник Александру Абдулову.

– Ну что, Роман Львович, поняли вы, кто заинтересовался вами всерьез и надолго? Вижу, что догадываетесь. А ведь я вас сюда специально пригласил. Видели памятник-то свой? Если видели, значит, жить долго будете...

– Да проживешь тут с вашими шуточками! То сумочка гореть синим пламенем начинает, то фамилию мою на камне выбивают. Мистика какая-то! А я в сказки не верю.

– Да полноте, какая тут мистика? Это все натуральные дьявольские козни. Вы отыграли денежки свои, а он, Сатана то есть, постреляв своих непослушных наркобаронов в Латинской Америке, вернулся и вас решил поугатать. Если не убил, значит, вы ему живым нужны. Или охраняет вас кто...

При этой фразе Алексеич хитро прищурился и продолжил свой монолог:

– А живым, здоровым и богатым вы нужны не ему, а скорее всему человечеству и нашей многострадальной родине в особенности. И моя задача – оберегать вас, лелеять и холить, а кроме того, рассказать вам о возложенной на вас миссии и обеспечить ее выполнение, если мы с вами, как говаривал один бывший президент, придем к консенсусу. Ну а поскольку человек вы умный и, когда не выпивши, можете мыслить относительно здраво, то надежда моя на благополучный исход затеваемого нами благого предприятия все более крепнет. Впрочем, бывало, что и в вашей ситуации люди действовали совсем не так, как можно было от них ожидать. Продавали свою душу дьяволу, и все тут! В последний, между прочим, момент. Вот пообещал он, рогатый, одному гражданину грузинско-осетинской национальности тринадцать лет жизни, в то время, когда врачи говорили, что в лучшем случае ему осталось три месяца, и решил он договариваться с Гитлером. А ведь врачи-то неправы были... Их, кстати, и расстреляли всех лет через десять – двенадцать. Но договор с дьяволом состоялся, и положили люди в войне общими усилиями несколько десятков миллионов. А не было бы договоров, все сложилось бы по-другому. Правда, возможно, если бы начали мировую войну не в тридцать девятом, а в сорок восьмом, пятьюдесятью миллионами тут не обошлось бы. Договор все равно бы был, но другой. Тогда ведь захваченная в 1943–1946 годах СССР и Германией Европа вела бы ядерную войну против Северной Америки, Соединенного Коро-

левства и Австралии. А победителем становился Китай, под шумок захвативший Японию с Кореей, а затем и всю Юго-Восточную Азию...

Выслушав довольно длинную речь, которую мой покровитель – так его теперь называть, что ли? – произнес напротив могилы великого баскетбольного тренера Александра Гомельского, я попытался усвоить весь объем вываленной на меня информации. Кстати, менее всего меня удивил рассказ о договоре Сталина с Гитлером. Еще во время учебы в школе я предполагал, что тут без нечистого не обошлось и что если бы они не договорились тогда, то все равно через несколько лет совместными усилиями раздербанили бы всю Европу. А так замкнулись друг на друга, но все равно почти весь мир втянули. Вот только насчет грустной перспективы ядерной войны в конце сороковых я точно не догадывался.

Слова о моей миссии меня несколько обеспокоили. Нельзя сказать, что я человек ленивый, работать я люблю и умею. Даже миссию нести в народ не совсем разумное, но всегда доброе, скорее всего не вечное, но смешное и поднимающее настроение я довольно долго выполнял с честью. Не постесняюсь сказать даже, достиг при этом больших творческих успехов. А вот о других миссиях не думал. Посмотрел как-то фильм «Миссия невыполнима». Не понравилось. Предпочитаю что-нибудь реальное и желательно такое, что придумал сам.

– Интересный вы человек, Роман Львович! Любите себя безмерно, всегда похвалить готовы, а потом вдруг в себе же и сомневаться начинаете... Не вам решать-то, выполняема миссия или невыполнима. Вы ее осуществить можете и, скорее всего, сделаете это. У вас и выхода-то другого нет. Домашнее задание мое выполнили? Чувствую – выполнили. Понимаете, что если за десять дней человека вышибают с работы, лишают всех сбережений и почти всей собственности, устраивают ему неприятности в личной жизни... Ведь жена ваша, Вера, к родителям уехала, да не просто так, а поссорившись с вами насмерть, так? Ничего, вернется она, правда, не очень скоро. Но уже сегодня даст о себе знать. У нее есть свои причины не звонить вам.

– А вот в личную жизнь... – начал я.

– Знаю, знаю этот анекдот, Роман Львович. Это о том, как дитя гор с усами и в папахе тащит в самолет барана, а стюардесса возмущается: «Куда вы в самолет с бараном?» – «Это не баран, это мой эрдельтерьер!» – «С такими-то рогами?» – «А вот в личную жизнь моей собаки попрошу не вмешиваться!» В вашу личную жизнь никто кроме дьявола и не вмешивался. А вот выполните свою задачу, жена ваша к вам вернется и будет вас радовать каждый день хорошим настроением и красотой своей несказанной!

Не потеряли ли вы тот талисманчик, который я вам перед игрой в казино дал? Вижу, что не потеряли. А вот заезжать к знакомому ювелиру и проверять, настоящая ли это платина или нет, было не обязательно. Талисманы они тоже не любят, когда их химикатами-то на прочность пробуют! Могли бы мне и на слово поверить, кстати, ведь выиграли же... И ювелирам я не очень-то доверяю. Берегитесь их... А рубликов этих есть еще как минимум шесть штук, причем все они из разных металлов. Золото, бронза, титан, серебро, алюминий и медь. Вот вам и предстоит познакомиться в ближайшем будущем с их обладателями, такими же разными, как их рубли, объединить их общей идеей (об этом позже) и выполнить важнейшую эпохальную задачу. Бывает такая возможность примерно раз в сто лет, а человека для ее выполнения найти удастся еще реже. Тридцать пять лет назад моему отцу Наставником было доверено Знание, с помощью которого можно было уничтожить земное воплощение дьявола. Он получил специальную серию юбилейных рублей, каждый из которых обладал необычными свойствами. Ваш – платиновый – главный талисман, который не только защищает владельца, но и может компенсировать причиненное ему зло. И реально воспользоваться его силой может только один человек – вы. Точно так же золотой рубль может притягивать к себе этот металл, а кроме того, коррелируется (на досуге почитайте, что значит это слово) с главным – платиновым. Титановая монета при необходимости может

стать страшным оружием, но только в руках того человека, которому она предназначена. А по жизни она – лучшая защита от сотрудников правоохранительных органов. К ее обладателю ни один милиционер либо полицейский не будет иметь претензий. Бронзовый рубль способствует деторождению, останавливает пули и предупреждает своего настоящего владельца об опасности. Медный – лечит раны, а алюминиевый – всего-то похмелье снимает. Но вот вместе с серебряным рублем он может преодолеть любой дефект психики: от шизофрении до маниакально-депрессивного психоза. А сам по себе серебряный талисман служит для своего владельца универсальным индикатором, подсказывая ему, как поступить в том или ином случае.

Мой отец нашел людей для выполнения миссии и раздал им талисманы. Но в ночь перед началом битвы со злом он при загадочных обстоятельствах умер. Платиновый рубль, который должен был его защищать, я нашел уже значительно позже. Скорее всего, отец опрометчиво расстался с ним накануне решающего дня. А следы остальных талисманов потерялись. Единственное, что я знаю, в ближайшее время все они будут или в Москве, или в Питере. И вы, как единственный человек, который в этом веке способен организовать выполнение великой миссии, обязательно встретитесь с их новыми владельцами! Так вот, многоуважаемый Роман Львович! Когда казино чуть вас не разорило, вам в голову пришла шальная, но совершенно справедливая мысль о том, что это заведение – храм дьявола. Храмов таких понастроили много и сейчас, говорят, решили разместить их в четырех специальных зонах. Думаете, это случайно? Посмотрите на карту, соедините все зоны вместе. Что получится? Получится новая государственная граница. Все, что ниже черты, отойдет другим странам, а выше – нам. И получим мы часть Белоруссии, Прибалтики, Китая и Северный Казахстан. Зато отдадим Грузии Краснодарский край с выходом к морю, Ставрополье и Северный Кавказ, а Поднебесной – половину Приморья... Нужны нашей Родине такие границы? Обратите внимание на линию. Не напоминает она вам полосу странгуляционную на шее повешенного? И ведь это на нашей общей шее полосочка... А остановить процесс только вы и можете. Пока они там не обжились, не построились, не заключили договоров разных, нужно будет вам найти своих шестерых соисполнителей, а потом вместе с ними добраться до земного воплощения дьявола и разложить талисманы вокруг него. Вот тогда и исчезнет и он, черт земной, и храмы его. И территориальная целостность государства нашего не пострадает... Да, забыл предупредить: люди, которые обладают талисманами, совершенно разные и знают лишь столько, сколько им отпущено знать. А вы и их послушаете, и им все остальное расскажете...

– И какого хрена, извиняюсь, мне, Роману Львовичу Трахтенбергу, соревноваться с дьяволом, да еще в компании сомнительных, как вы метко выразились, соисполнителей? Если я просто сейчас повернусь и уйду вместе со всеми своими деньгами, с «Лексусом» и головой, набитой идеями. Кризис ведь кончится когда-то?

– Вот не успели бы мы с вами вовремя встретиться и утереть нос нечистому, пожалуй, вы при всем вашем таланте и нигилизме уже подумывали бы о том, чтобы петельку подвесить да шейку вашу трахтенберговскую в нее вставить... Видели памятник-то? Но вот смогли мы с вами плодотворно пообщаться и сейчас вот планы общие обсуждаем...

Алексейч немного, но достаточно крепко взял меня под локоток и направил туда, где я уже побывал сегодня. Мы снова прошли мимо могилы Гомельского, памятника Абдулову, повернули к Высоцкому и через пару минут были у траурного зала. На маленькой скамеечке сидел знакомый мне молодец и вручную полировал не менее знакомую каменную плиту. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что на ее поверхности было мое изображение, правда, со щеками, раздутыми до размера среднестатистических ягодичек. Было оно выполнено в стилистике художников-анусиалистов. Кстати, о существовании такого направления в живописи я не знал, пока не попал на нашумевшую выставку в Манеже с громким латинским

названием: «Per anus ad astra», что переводится примерно как «Через жопу к звездам». Вдохновителем и путеводной звездой школы, как говорят, был известный эротист Сева Селищев, которому в Интернете даже был посвящен следующий лимерик (это такой стишок из пяти строк):

Сева Селищев, мастер эротики,
Член имел чрезвычайно коротенький,
Но зато живописный
Зад имел рукописный.
До добра не доводят наркотики!

Несколько десятков мастеров этого необычного жанра выставили свою живопись, графику, а также различные скульптуры и инсталляции. Особенно впечатлила меня закрытая в стеклянном кубе (наверное, чтобы не было запаха) огромная куча дерьма, над которой парили две нежные, по виду резиновые, ягодички со свисавшей из их центральной точки говняшечкой. Называлось все это безобразие «Выдавливаем из себя раба».

– Какие все-таки у вас друзья заботливые, Роман Львович, – обратился ко мне мастер кладбищенских дел. – Вы еще на этом свете, а они думают, как бы вам с почетом на тот уйти. Даже памятник вот заказали. Скромный, но со вкусом. А потом над ним нужно еще птичку какую-то поставить, но это уж не к нам, а на цветмет, они там классных орлов льют.

– Пусть попугая отольют, уроды! – вспыхнул я. – Каким таким друзьям пришло в голову мне памятник заказывать?

– А вы не волнуйтесь так, Роман Львович, человек надежный заказывал. Как закажет – можно и делать сразу, у него ни разу проколов не было, клиенты всегда вовремя прибывали.

Тут, поняв, что сказал лишнее, работяга замолчал. Я достал из кармана зеленую сотку и коротко спросил:

– Кто?

Молодец сунул бумажку в карман и неуловимым движением как бы из воздуха выдернул желтоватый листок бумаги с жирной надписью «ЗАКАЗ-НАРЯД». В непреодолимом стремлении узнать, кто же все-таки меня заказал, я схватил листок и стал искать фамилию злодея. И совершенно не удивился, увидев там надпись: «Александр Чертков-президент» и телефон без повторяющихся цифр в качестве контактного номера. Наряд был оформлен чуть больше суток назад, примерно в то время, когда я переступил порог казино «Мефисто», чтобы начать проигрывать свои кровные. Я повернулся к Алексеичу, все еще поддерживавшему меня под локоток, и, поглядев ему в глаза, сказал:

– Да! Я согласен!

– Ну вот и ладушки, – сказал Алексеич и, отпустив меня, положил свою огромную ладонь на черный гранит.

По верху памятника пробежало какое-то зеленое свечение, а через секунду раздался треск как будто бы разрываемого изнутри монолита. Блестящий кусок камня с моей фамилией пошел трещинами, и еще через несколько секунд все было кончено. У ног оторопевшего парня в телогрейке лежала груда гранитного щебня. На самом крупном кусочке еще можно было рассмотреть букву «б», но тут и он раскололся. Почему-то на этот раз совершенно бесшумно.

– Эх, – горестно воскликнул молодец, – такую красоту загубили! А что я заказчику скажу?

– Скажешь, что клиенту памятник не понравился и он его в порошок разнес. И вот, отдай ему эту записку!

Быстро нацарапав на заказ-наряде емкую фразу: «А пошел ты, Чертков, в жопу!», я подписался и, присовокупив к записке еще пару сотенных «за моральный ущерб», отдал ее кладбищенскому служащему, который к тому времени уже начал улыбаться и благодарить нас за проявленное к нему внимание и выданную индульгенцию.

А памятник мне действительно не понравился, не таким я видел свое надгробие, хотя выбор кладбища меня впечатлил. «Надо же, черти, а все-таки меня уважают». Но несмотря на это, памятника мне пока не хотелось. Хотя бы лет тридцать я думал еще протянуть.

– Выполните миссию – проживете сорок два, а то и больше. Курить только бросайте, – прервал мои размышления Алексеич.

– Ну что, будем план слушать или глазки строить?

Легко ему сказать – бросить курить! Я всегда придерживался в жизни такого принципа: можно есть, пить, нюхать, употреблять иными способами только то, что растет на земле, а не производится в каких-то лабораториях. А табак – это в принципе обычные листья растения, причем не какого-то там ядовитого болиголова или белены. И растет он не в джунглях, где уж действительно нужно думать, что съест и куда сесть (ишь, стихами заговорил!), а на солнечных равнинах и в красивых предгорьях. И я, наверное, лет с пятнадцати покуривал, сначала папироски, потом сигареты, потом сигары, а дальше снова вернулся к сигаретам, которые до сих пор являются частью моего образа жизни. А еще я заметил, что как только у человека отнимают часть привычного ему окружающего пространства, он определенно становится ненормальным. Вот кодируют гражданина от пьянства. И что, думаете вы, это решение вопроса? Да, он не напивается как скотина, не тратит деньги на водку или портвейн. Но в его душевном состоянии, годами формировавшемся при участии алкоголя как антидепрессанта либо как стимулятора, начинаются различные сдвиги. Если раньше была алкогольная депрессия, то она становится безалкогольной и ее надо давить таблетками, которые будут посильнее «Фауста» Гёте. Это полезно для организма? Сомневаюсь. А позитивное влияние алкоголя на процессы взаимного общения? Как только крепкие напитки исчезают из жизни человека (я имею в виду человека ранее прилично выпивавшего), он становится злым, часто нелюдимым и остро осознающим чувство собственной неполноценности. От него отворачиваются прежние друзья, причем не только собутыльники. Новые же знакомые относятся к такому мужчине с подозрительностью: не пьет – значит, что? Или болеет какой-то дурной болезнью, или, что еще хуже, не выпивает, чтобы сохранять контроль и фиксировать тонкие нюансы беседы. А это уже признак враждебности.

Есть, правда, люди, которые по каким-то причинам временно не выпивают, но при этом умеют вписаться в любую компанию. Лет двадцать назад мне пришлось столкнуться в одной компании с кинорежиссером и бывшим мужем Аллы Пугачевой Александром Стефановичем. Он был единственным, кто не выпивал в тесном коллективе музыкантов, актеров и моделей. Зато яростно чокался со всеми апельсиновым соком, громко рассказывал всякие истории и, казалось, пьянел наравне с остальными. Язык его чуть заплетался, глаза блестели, движения становились неверными. Он абсолютно органично вписывался в компанию и воспринимался как в доску свой. Через какое-то время он забрал самую красивую актрису и отбыл с ней часа на три, а по возвращении все так же весело глотал свой апельсиновый сок. Но такие люди – большая редкость, тем более что время от времени Стефанович позволял себе напиваться до поросычьего визга. А потом снова был трезвенником...

Все это я рассказываю не к тому, что курить и выпивать – это очень хорошие привычки. Говорят, что они мешают людям жить долго. Но мне всегда приходила в голову мысль: а кирпич, упавший с крыши, он ведь тоже может помешать вам прожить долгую и счастливую жизнь... Так что же, ходить по улицам, глядя исключительно вверх и стараясь от этого кирпича увернуться? Так можно в какой-нибудь открытый колодец вступить, где потом костей не соберешь, а то и под машину забрести – тоже вариант не лучший... В общем, предложе-

ние бросить курить сейчас, когда тебе чуть за сорок и ты полон сил, в обмен на пару-тройку лет жизни потом, после семидесяти, когда и без курения болезни начинают одолевать всех... Это надо серьезно взвесить и обдумать...

– А план, значит, у нас будет такой. Про людей я вам сказал. Кто они, мне самому неизвестно, как талисманы свои получили – тоже. Кто-то на улице нашел, а другой в наследство от папы-нумизмата получил, к примеру. В течение ближайших тридцати дней либо они вас найдут сами, либо вы их отыщете. Одного – в Питере (вам ведь хочется, Роман Львович, на малой родине побывать?), а остальных в Москве. И каждый из них, будь он самым последним уродом или подонком, педиком или ботаником, проституткой или девой непорочной, является частью плана и в определенный момент будет лучше вас знать, что и как ему делать. Ваша задача найти их всех и начать операцию ровно через месяц в полночь в помещении № 313 подвальном уровне здания Московского государственного университета на Воробьевых горах. К этому времени вы уже будете знать почти весь план действий. Смотрите телевизор, радио слушайте, Интернет не забывайте, вот и все, собственно. Ну и книжечки почитайте по поводу сатанизма всякого, как говорил один из его представителей, с которым вы, скорее всего, и встретитесь, «чтобы врага победить, нужно его оружие изучать». Вот и изучайте. И про казино не забывайте, ведь с этого все началось.

И еще. Каждый ваш новый соратник кроме талисмана должен иметь еще одну отличительную особенность: ему либо родным его черти причинили жуткую неприятность: кого разорили, кого близких лишили, кому карьеру на корню загубили. В общем, то, что чуть не произошло с вами, с ними уже случилось. Правда, они не все и не всегда понимают, кто за всем этим стоял. И тут уж ваша задача – выслушать их истории и аргументированно объяснить, что стали они жертвами потусторонних сил, а проще говоря, наших с вами оппонентов, чертей, чертовок, чертенят и главного Сатаны, который сейчас сильно переживает, уж поверьте мне, по поводу разрушенного памятника. Первый раз с ним такой конфуз-то случается...

Я поначалу возгордился тем, что с помощью своего нового приятеля сумел дважды в течение суток уесть самого дьявола, но потом в душу мою проникло некоторое беспокойство. Из художественной литературы и не менее художественных фильмов я в свое время почерпнул информацию о том, что черти – существа крайне злопамятные. И при случае они могут своим обидчикам ответить более чем адекватно. Правда, насчет конкретики мнения у писателей и режиссеров были разные, но общая канва в описании адских мук была малопривлекательной. Это и надоумило меня задать вопрос Алексеичу о том, что делать, если главный противник вздумает нанести упреждающий удар.

– Я же говорю вам, Роман Львович, можете работать спокойно, накапливать силы. Вас никто пальцем, точнее, копытом тронуть не сможет. Хотя осмотрительность, особенно в отношении всяких бандитов, вам не помешает. Убить вас не убьют, но вот потрепать основательно могут. А потом мы с вами что-нибудь придумаем. У вас ведь свое собственное спецподразделение будет, хоть не совсем военное, но именно из тех людей, которые одни во всем мире могут выполнить нашу миссию. А с семьей талисманами и шестью помощниками гораздо легче, чем с одним рублем, пусть даже платиновым, но одному...

Мы вышли с территории кладбища и потихоньку пошли к оставленной мной машине. Мысль о том, что мне сейчас гораздо больше подошел бы бронированный «Хаммер», чем мой красивый, но беззащитный «Лексус», не давала мне покоя.

– А может быть, машину мне сменить, как вы думаете? Взять что-то потяжелее? Все-таки спокойнее будет...

– Да нет же, вас не то что черти, вас даже гаишники с этого дня трогать не будут.

– Как, и обнюхивать не будут, и за выезд на встречу не тронут? И что, теперь мне можно будет все что угодно на дороге вытворять?

– Ну с такими номерами, как у вас, конечно...

Мы подошли к машине, и я увидел, что на месте моего, как мне казалось, солидного и фартового номера с тремя семерками красовался новехонький регистрационный знак А 007 МР. А вместо номера региона стояли крупные буквы RUS. На всякий случай я достал бумажник с документами. В них тоже был обозначен новый номер, а сам документ был с трех сторон обрезан таким образом, что стал представлять собой небольшую книжечку. Внутри под надписью «Особые отметки» красовались два штампа: «Разрешено использование звуковых и световых спецсигналов синего и красного цветов и стробоскопов» и «Сотрудникам ГИБДД РФ оказывать содействие в беспрепятственном передвижении». Обе надписи были снабжены необходимыми печатями и подписью, сильно напоминавшей фамилию министра внутренних дел.

– Новая серия, – сказал Алексеич, – в ней только нечетные номера. Сегодня утром премьеру на собственную «Волгу» поставили 001, на новую «Ниву» ему же – 003, президенту достался 005, а вот следующий – ваш. Так что не волнуйтесь насчет содействия властей, ближайший месяц все будут вам только помогать. Главное, на секретные объекты постарайтесь не забираться, зачем вам лишние хлопоты... Если же по случаю или недомыслию кто из силовиков спросит документы, покажите ему это.

С этими словами он протянул мне небольшую коричневую книжечку с двуглавым золотым орлом на обложке и золотой же надписью «Удостоверение». Она сильно напоминала мне подделки, которые в изобилии продаются на станциях метро и рынках, но внутренности документа сразу показывали серьезность его обладателя. На левой стороне в гознаковских переливах угадывался силуэт Спасской башни, а сверху красовалась надпись «Кремль-26». В приятной близости от башни располагалась моя красивая цветная фотография с печатью и голограммой. А правая сторона документа была посвящена в основном письменной информации. Наряду с моей фамилией, а также именем и отчеством, напечатанными жирно, причем в самом верху, там были еще две фамилии, набранные петитом в нижней части. Известные всем фамилии тандема – президента и премьера, причем перед ними стояли две подписи, закрепленные небольшими печатями с орлом в середине, и в одном случае надписью по кругу «Президент Российской Федерации», а в другом «Председатель Правительства РФ». А в середине была жирно впечатана строчка: «Всем органам государственной власти РФ оказывать содействие предьявителю данного удостоверения». Ну и все это было, вполне естественно, заламинировано. С таким документом, пожалуй, действительно можно было забраться куда угодно и выйти оттуда живым и здоровым. Но вот как отнесутся к документу черти?

– А вот им показывать книжечку совсем не обязательно. Она, так сказать, для нашего внутреннего пользования. И в очереди в сберкассау тоже не обязательно ее демонстрировать, тем более что денег у вас для начала достаточно, а при нужде можете воспользоваться кредитной карточкой, которую я вам торжественно вручаю. Она не то чтобы безлимитная, но близко к этому. Подходить к затратам попрошу ответственно, тем более что купить на нее можно лишь то, что нужно для выполнения миссии. А законы физики и экономики никто не отменял. И если что-то вдруг в каком-то месте появляется, то в другом оно будет исчезать. По секрету скажу, будет исчезать у вашего тезки – Романа Аркадьевича Абрамовича. Так что он, сам того не зная, является вашим, как бы это поточнее выразиться, спонсором, что ли? Но, во-первых, он этого не заметит, для него такие, как у вас, траты – мелочи, а во-вторых, неужто пожалел бы Роман Аркадьевич денег на благое дело?

– А можно мне на эти деньги мой клуб открыть, аренду заплатить, лицензию на алкоголь продлить?

– А зачем вам клуб этот? Вы его давно уже переросли. Лучше бы поработали снова на радио, только где-нибудь в солидном, серьезном месте. Вы ведь то в логово гомосексу-

алистов попадете, прямо в «Опу», то в центре конфликта с чертями всякими окажетесь... Вот «Маяк», чем не замечательная радиостанция? Не слушали вы ее, а зря: там ведь почти каждый час подаются сигналы нам всем. Если уметь их читать – никакие черти, на бытовом уровне во всяком случае, людям не страшны. Поэтому ее и любят так в народе. И ведь сколько лет уже... Там как раз сегодня на совете директоров говорили о том, что вечерний эфир по будням проваливается. Вот вы бы и выручили всеми любимую станцию. Подумайте, и аудитория-то огромная, и миссию вашу выполнять будет сподручнее. Думаю, что вам сегодня к вечеру позвонит программный директор «Маяка». Вы уж не отказывайте ему, не надо... И поезжайте домой, отдохните, вы это заслужили...

Да, когда я про себя говорил о том, что жизнь начинает налаживаться, то никоим образом не думал, что все произойдет именно таким образом. Попрощался, сел в машину, краем глаза заметив валявшиеся на заднем сиденье мигалки. Затем обнаружил врезанную справа от руля кнопку с загадочной русской надписью «СГУ». Нажал и услышал громкий металлопердучий звук, нажал еще раз, он превратился в сирену, а третье нажатие, как выяснилось позже, включало микрофон, чтобы можно было согнать кого-нибудь с дороги или вежливо, но достаточно громко, чтобы она услышала, попросить переходящую дорогу глуховатую бабульку двигаться быстрее.

Дорога домой прошла без всяких приключений, только вот все гаишники при виде моей машины вытягивались в струнку и отдавали честь. Приятно все-таки побыть почти настоящей VIP-персоной. Конечно, я, бывало, из всяких залов официальных делегаций и уезжал, и улетал, даже за дополнительную плату машину на их стоянках оставлял, но тут чувствовалась такая крутизна, что дальше уж некуда.

Чувство собственной значимости росло у меня внутри не по дням, не по часам, а, похоже, по минутам. Я взглянул на часы. Секундная стрелка на циферблате моего «Ролекса» описывала круг за кругом, но время часы показывали все то же – семь часов сорок минут. Часы часами, а все же как немного все-таки нужно человеку для того, чтобы получить уверенность в себе и в своей правоте, равно как и в правильности того, чем он занимается! Да такие мелочи не требуют даже указа президента или премьерского распоряжения. Подписали удостоверение, повесили номера и – вперед! Только вот я почему-то был совершенно уверен, что отнюдь не все обладатели спецномеров и мигалок могли бы потягаться с дьяволом. Думаю, что многие из них предпочли бы договориться. А чем такие договоры заканчиваются, известно теперь уже всем. Ну что, приехали! В душ и отдыхать! Да, главное о миссии своей не забыть на радостях...

Глава 3

На следующее утро я проснулся ровно в 7.40 от телефонного звонка. Кто-то с поразительным упорством пытался заставить меня взять трубку. Я знал, что так долго и упорно может звонить только один человек – моя жена Вера. Но поскольку мы с ней были в ссоре, причем впервые в жизни закончившейся ее скоропостижным отъездом к родителям, я и не подумал о том, чтобы брать трубку. Накрыл голову подушкой, но помогло это мало: звонки были слышны и через нее. Кончилось все тем, что я заставил себя встать и дойти до стола, где буквально разрывался телефон. «Рома, Ромочка, – услышал я в трубке голос жены, – ты меня, милый, прости за то, что я так рано тебя подняла. Просто голос твой хотела услышать. Чувствую, как тебе тяжело, каким важным делом ты сейчас занимаешься! А я-то тебя бросила, дура этакая! Ты меня только выслушай, не клади трубку. Я обязательно приеду, обязательно вернусь. И маминых пирожков, которые ты так любишь, привезу. Вот только выполнишь ты свою миссию, я сразу и прилечу...» После этого в трубке раздались короткие гудки.

«Интересно, откуда она знает про миссию? – подумал я. – А насчет пирожков – идея хорошая. Правда, вот поесть их придется еще неизвестно когда». Тем не менее еще одна проблема – установить мир и согласие в семье – была, похоже, успешно решена. Алексеич свое слово держал.

А накануне вечером мне позвонил программный директор радиостанции «Маяк». И был немало удивлен, когда на его приветствие получил от меня лаконичный ответ: «Здравствуйте, я ждал вашего звонка. Когда приступаем к работе?» В разговоре повисла довольно длительная пауза – скорее всего, директор лихорадочно обдумывал сказанное. Он, видимо, представлял себе процесс иначе: для начала надо сделать предложение о работе, потом долго согласовывать время, людей, которые будут мне помогать, заработную плату, а тут... на тебе: «Когда приступаем?» Как будто все уже было решено без него.

– Роман Львович, а с кем бы вы хотели работать? Кого предложить вам в качестве соведущей?

– А мне как-то все равно, теперь мне сам черт не страшен.

– Ну тогда давайте Аллу Довлатову...

Тут я подумал, что, пожалуй, проявил излишнюю самоуверенность. С Аллой, во всяком случае по моему опыту, работать было сложнее, чем с подручными дьявола. Но слово, как говорится, не воробей, с Довлатовой так с Довлатовой. Правда, я выговорил себе для работы с ней месячный испытательный срок, все-таки я в этот период буду под покровительством земных властей и моего приятеля Алексеича. Уж как-нибудь общими усилиями мы с ней должны были справиться...

Кстати, уже гораздо позже программный директор все же спросил меня, каким образом я узнал, что мне будет предложена работа на «Маяке». Он честно признался, что подумал о том, что меня заранее предупредил кто-то из высшего начальства: либо заместитель генерального директора компании, либо сам директор. Я, как человек гуманный, не стал его разочаровывать и, чуть надув щеки, проронил загадочную фразу: «Ну ты же понимаешь, надеюсь, что я тебе этого сказать не могу...» И сделал при этом не менее загадочное лицо, чем поднял свои акции в его глазах пунктов на двадцать, не меньше.

Готовиться к работе мне особой нужды не было, поскольку настоящий профессионал должен уметь работать в любых условиях. Главное, чтобы Довлатова не очень возникала, и все должно пройти нормально. Слушатели меня еще прекрасно помнили, тему первого и второго часов мне прислали по электронной почте, а побеседовать с Пашей Паскалем по поводу его хобби и послушать пару его новых песен вообще было для меня удовольствием. Единственное, что меня озадачило, – это название темы второго часа «Встречи с потусто-

ронными силами и личный опыт борьбы с ними». Свои версии на эту тему должны были озвучивать слушатели, а нам с Аллой предстояло как бы комментировать и подводить итоги. Эх, дали бы мне волю, я бы порассказывал о своих приключениях... Правда, думаю, никто из слушателей мне не поверил бы. В отличие от вас, читателей, которые прекрасно понимают, что Трахтенберг просто физически не сможет написать ни слова неправды... Или вы тоже не во все верите? Зря...

Неподалеку от моего дома с незапамятных времен существует антикварный салон «Екатерина», в который я время от времени захожу, чтобы присмотреть себе какой-нибудь предмет интерьера или просто интересную, с моей точки зрения, вещь. Иногда мне попадались настоящие «сокровища». Конечно, не яйца Фаберже – ими владеть дело хлопотное и до определенной степени опасное, но кое-что симпатичное мне обнаружить удалось. Например, вполне приличный самурайский меч, серебряный американский доллар XIX века выпуска, хрустальный шар, как говорят, сделанный в Великобритании, кое-какие немецкие миниатюры. А вот яйца Фаберже, хотя я политикой и не увлекаюсь, теперь ассоциируются у меня исключительно с ответом бывшего секретаря ЦК КПСС и председателя верхней палаты российского парламента Егора Строева на вопрос журналиста о том, как он расценивает патристический поступок Виктора Вексельберга. Имелось в виду, естественно, возвращение России тех самых образцов ювелирного искусства. «Мудрый человек, – сказал Строев, – всегда лучше отдать государству яйца Фаберже, а не свои собственные...»

В общем, заходить в этот не очень большой и уютный салон стало для меня своего рода традицией. Сегодня, отоспавшись хорошенько, я решил пойти позавтракать в ближайший к моему дому ресторан. Ну а по пути, конечно, зайти в «лавку чудес», как я про себя называл «Екатерину». Уже с порога я услышал внутри довольно громкие голоса, что было необычным для антикварного заведения. Старые вещи, как и деньги, любят тишину. А тут была настоящая перепалка. Скандалила с продавцом с незапамятных времен обосновавшаяся в нашем дворе бомжиха, которая была всем известна как Рогалик. Прозвище свое она получила за свое пристрастие к этому виду хлебопродуктов. Самое интересное, что во дворе ее никто никогда не обижал, даже участковый время от времени задавал ей один и тот же вопрос: «Ну когда регистрироваться-то будем?» – и почему-то больше не приставал. Жила она в бывшей трансформаторной будке, переделанной под помещение для охранников, которые, по мысли вселившегося к нам несколько лет назад олигарха средней руки, должны были «осуществлять контроль доступа на придомовую территорию». Олигарха застрелили на второй день после переезда, а бесхозное помещение осталось и было облюбовано Рогаликом. А вот сегодня я практически впервые услышал, что она умеет разговаривать, причем громко и уверенно: «Да ты посмотри, мягкопенис двухухий, что это за рубль! Ты, слаще морковки не сосавший, такого не увидишь никогда. Ты на вес-то его попробуй!» Продавец лениво и не столь эмоционально предлагал ей за монету тридцать российских рублей и ни копейкой больше. Да и то потому, что монета была явно фальшивая, а так бы и тридцатки не стоила...

Я подошел к прилавку и увидел на стеклянной витрине до боли знакомую мне голову Ленина на монете сероватого цвета. Машинально взял ее в руку, и весьма странным показалось мне то, что весила она раза в полтора меньше обычной. «Похоже, титан, – подумал я, – не алюминий же...» И сразу вспомнил о том, что одним из талисманов, которые мне придется увидеть и нужно будет найти, будет именно титановый рубль 1970 года выпуска. Поэтому без лишних слов забрал рубль, вывел не особо сопротивлявшуюся бомжиху на улицу и, усадив рядом с собой на скамейке, учинил ей допрос пристрастием. Первое, что меня интересовало, это то, откуда взялась у Рогалика эта странная монета.

– Да не воровала я ее, не воровала. Я вообще воровством не занимаюсь, мне это архи-пердично!

– Как-как?

– Ну это типа когда очень сильно, извиняюсь, пукнет кто, да так, что аж глаза режет. В общем, не нравится мне воровать, неправильно это.

– А рубль этот где взяла? Скажи еще, что на сдачу в магазине дали!

– И дали. Только не мне, а бабушке моей покойной. Перед Московской Олимпиадой, как мне мама рассказывала, дали бабушке этот рубль в качестве сдачи с трешки в молочной нашей. А потом его у нее никто не брал, фальшивый, говорят. И мама тоже пробовала монету куда-нибудь пристроить, но ничего не получалось. Я, когда из дома уходила, почему-то только эту монету и взяла. И он, этот целковый, ко мне как привязался, гнуть его некому! И теряла его, он находился, и забывала, всегда возвращали. Вчера, думала, уж выкинуть его. Бросила в сторону нашей горевшей помойки и пошла. Так девочка маленькая за мной полквартала бежала: «Тетя, вы монетку уронили!» Я ей говорю, себе, мол, чтобы взяла. А она: «Ваша монетка, вам нужна она будет!» Нужна так нужна, а вот продать хотела, и то не берут! Может, вы его, этот целковенький, у меня купите, а то я вам его и так отдам, вижу, интересен он вам. Я-то думала, счастливым будет, а он пока одни несчастья мне в жизни приносил.

Я еще раз тщательно осмотрел рубль, обратив внимание на то, что на боковой части монеты (специалисты называют ее гуртом) вместо обычных десяти звездочек выбиты православные крестики.

– Вот что, Рогал! Монета эта к тебе прилипла потому, что она должна жизнь твою в корне изменить. Кстати, ты задумывалась, почему тебя ни участковый, ни другие менты не трогают? Не в твоём ли рубле тут дело? Давай ты мне сначала расскажешь, как до жизни такой дошла, а потом я тебе расскажу, как из этого дерьма выбраться...

– Из клоаки, я бы сказала. А пивка вы мне не купите ли? А то на сухаричек-то и рассказ сухеньким будет, как в памперсах...

Уже минут через пять Рогалик сидела, потягивая пиво, естественно, прямо из горлышка. И рассказывала мне о том, как последние несколько лет полностью изменили ее жизнь, до определенного момента спокойную и обеспеченную...

– А началось все с того, что я развелась с мужем. И муж-то был ничего себе, на двадцать лет старше, денег зарабатывал прилично, по девкам не бегал, вот только два его качества меня смущали. Первое – прижимистый он очень, пока получишь от него хоть копейку, с ума сойти можно. А второе – своих обещаний часто не выполнял. Пообещает, например, часы «Вашерон Константин» купить, а отделается в лучшем случае «Радо», а то и вовсе забудет. Или сделает вид, что забыл. И вот жадность и необязательность его меня больше всего обламывали. Ну и развелась с ним, причем на развод-то он сам заявление подал. Хотя пять лет мы с ним все-таки прожили, и даже наследника я ему родила.

А девушкой я была интеллигентной: между прочим, на романо-германском отделении филфака преподавала. Только вот как развелась, начались у меня всякие проблемы: за что ни возьмусь, всюду как тупик. Машина была – красивая такая, серебристая. Сначала какие-то ублюдки сняли с нее номера, а на замену мне выдали в ГАИ номер О 666 МУ. Через три дня я на ровном месте разбила машину, причем сама не понимаю, как это произошло. Будто направил меня кто-то прямо в столб. Хорошо еще, сама жива-здоровая осталась. А то ведь дорога сухая, сама тверезая, видела все абсолютно... Еду, руль прямо держу, а он как потянет вправо. Стараюсь держать – бесполезно, он прямо из рук вырывается. И тормоза: давя на педаль, а машина, гадина, еще быстрее едет. Потом мне говорили, что это я на газ так давила...

В общем, разбила я машину. Денег на ремонт не было, поставила я ее под домом, стала на работу автобусом и метро ездить. Мелкого своего отдала в детский сад, а сама стала снова нести всякое доброе-вечное... Ну и несла бы себе до сих пор, если бы зуб у меня не заболел. И зуб-то был вроде здоровый, а как задергал, пришлось к стоматологу бегом бежать. И попала я в кресло к молодому доктору. Смутило меня только одно: уж очень в нем чернень-

кого много было: волосы черные, глаза черные, водолазка под белым халатом черная, брюки, ботинки, часы – все черное. И разговаривал как бы по-русски, но с акцентом, в некоторых горноюжных местах так говорят. Но какой обходительный был! И зубик обезболил, и шуршал вокруг меня так, что я чуть не заснула, и касался мягенько, как дуновение ветерка. Знала бы я, с каких гор этот ветерок дует, бежала бы без оглядки. А так расслабилась. Раньше-то я таких граждан к себе близко не подпускала, знала, что хорошего ждать от них не приходится. Как начнут шустрить, я им: «Не по сезону шелестишь, кулёк!» Сразу отваливали. А тут сижу с открытым ртом и сказать ничего не могу, в общем, как затмение нашло. А он глазами своими черными посмотрит, так прямо как в душу глядит. И под эти взгляды вдруг вытаскивает у меня щипцами изо рта зуб. На вид совершенно целый. «Это у вас зуб мудрости был. Лишний», – сказал и начал над этим зубом губами шевелить, как будто читать что-то. А затем завернул его в черную тряпочку и в карман положил. «На память», – говорит. Вот с этого момента я совсем отупела. Через полчаса я и его акцент мерзкий уже не замечала, и даже мысли не допускала, что он внутри может быть таким же черным, как и снаружи... Оказалось к тому же, что зовут его Джамшуд. Все подружки издевались, мама с сестрой с ума сходили. А мне нравилось. Правда, вот когда к нему еще брат Равшан приехал... Но все равно, почему-то терпела... Джамшуду, правда, удалось все-таки за большие бабки сменить имя на Никодим, но в моей жизни это мало что изменило. Увидев меня с этим мигрантом, знакомые старались перейти на другую сторону дороги, а я все больше и больше втягивалась в непонятную мне жизнь. Неожиданно для себя выкинула все короткие юбки и обтягивающие джинсы, стала по совету Джамшуда-Никодима покупать какие-то мешковатые черные балахоны и носить платок. У нас, конечно, не Франция, где хиджабы запрещено в вузах носить, но меня вызвал ректор и сделал замечание по поводу неформального внешнего вида. Тогда я почему-то вспыхнула, заявила, что выбираю свободу, и уволилась.

Во время поездок с Джамшудом я заметила, что он останавливается у каждого зала игровых автоматов, заходит и кидает монету или жетон в аппарат, даже не дергая ручку. «Долги отдаю», – отвечал он мне на вопрос, почему он это делает. И в казино он никогда не выигрывал. Просто приходил раз в неделю, делал на рулетке одну-две ставки в сто долларов и уходил, не глядя, куда упал шарик. И ни разу его не остановил голос крупье: «Вы выиграли!» Один раз просто зашел в казино, проиграл раз, другой, а затем молча снял с моей руки кольцо, которое муж бывший подарил, и оставил барыге местному в залог. А выкупать-то и не подумал... Долгими вечерами и ночами в своей квартире на девятом этаже хрущевки эти братья Зверзаевы мне рассказывали о том, как мне повезло, что я с ними, какой я буду счастливой и как буду преуспевать. Сначала мы продавали какие-то товары фирмы «Эвэй». После того как я впарила пять комплектов своим еще оставшимся подругам и заработала бонусные баллы, выяснилось, что мыло ни хрена не мылится, шампунь не пенится и лишь зубная паста чистит зубы, но очень плохо. Да еще отдает каким-то говном, от запаха которого целый день избавиться невозможно... Но красивые картинки и никодимовские рассказы заставляли меня целыми днями звонить знакомым и полужнакомым людям и пытаться продать им это фуфло. И самое интересное, что многие-то попадались на это и втягивались сами, а потом и других втягивали. А потом еще пылесосы «Кирби» были. Дал мне мой хозяин список телефонов, чтобы обзванивать людей и предлагать им пылесосы за 5000 долларов с бесплатной презентацией. Кто соглашался, к ним приезжали, пылесосили комнату, а потом просили дать телефоны пяти своих знакомых. После этого доставали звонками уже их. А счастье было – если из сотни один идиот повелся и купил этот аппарат. Но процесс затягивал. Это как в казино, наверное, играешь, продаешь всякие там «Гербалайфы», «Орифлэймы» и прочее. И никто тебя не заставляет туда свои деньги отдавать, но уж если ты отдал, то хочешь их непременно обратно вернуть. А потом получать еще и еще. Мне говорили умные люди, что это коммерческая секта, причем секта-то бесовская. Да где там! Я даже разговаривать ни о

чем другом не могла. Как будто кто-то закрыл мне рот, глаза, уши, а оставил только дырку между ног и мерзкого Джамшуда, который делал со мной все, что хотел.

А потом я воочию увидела настоящий ад. Мы на разваленных «Жигулях» с тонированными стеклами, принадлежавших Равшану, проехали пол-Москвы в северо-восточном направлении, а потом медленно пробирались через толпу людей. Наконец, дернувшись, наша «шестерка» остановилась. Мы вышли, и я увидела перед собой ворота, а над ними светящуюся даже днем, причем каким-то зеленоватым светом надпись «Черкизовский рынок». «Теперь ты будешь жить здесь, – сказал Никодим, – а твоя квартира, вещи и все остальное тебе нужны не будут. Никогда». И дал мне подписать бумагу, по которой он получал возможность распоряжаться всем моим имуществом и совершать за меня любые другие действия. Невесть откуда взявшийся старичок-нотариус тут же поставил необходимые печати и штампы и мгновенно растворился в недрах рынка.

Наверное, единственное, что могло меня удержать от все более глубокого падения в сторону дна, это общение с моим сыном. Но мой бывший супруг, человек хотя и жадноватый, но умный, при первых признаках моего помешательства сумел отправить малыша воспитываться в Англию, и я не видела его, наверное, почти два года. Странно, но меня все это время почему-то больше волновали отношения с Никодимом-Джамшудом, вернее, его отношение ко мне. Меня уже не интересовали ни цветы, ни подарки, тем более что их мне никто давно и не дарил. Всепоглощающее желание выполнить свою работу как можно лучше и заслужить похвалу хозяина – вот что владело мной. Даже секс, который меня поначалу привлекал в нем, как вас, мужиков, привлекает общение, к примеру, с негритянками, и казался чем-то экзотическим и волнующим, теперь стал обыденностью и не вызывал ничего, кроме минутного животного ощущения вначале и мрачного опустошения в конце. Из меня как будто потихоньку высасывали душу.

Жизнь на рынке текла своим чередом, если это можно назвать жизнью. Новые подружки: Зарина, Хафиза, Лейла, одетые точно так же, как и я, в черные хитоны, помогли мне научиться обманывать покупателей, обсчитывать и завышать цены. Я стала питаться одним рисом, а на ночь запиралась вместе с ними в железном контейнере, чтобы не сдохнуть, как убитая за пару дней до моего появления на рынке Гюльчатай, место которой я и заняла. Ей стало душно, и, поскольку контейнер запирался тогда лишь изнутри, она открыла его и вышла. Нашли ее утром под прилавком, изнасилованной и задушенной. Как обычно в таких случаях, шума никто поднимать не стал, ее просто погрузили в багажник автомобиля, а затем отвезли на ближайшую к городу свалку. Паспорт, миграционную карту и имевшееся у нее разрешение на работу отдали хозяевам, чтобы потом по этим документам жила и работала какая-то другая гражданка из ближнего зарубежья. Вообще-то, скажу я, по крайней мере половина вьетнамцев, таджиков и китайцев, работающих на рынке, живут по чужим документам. Реальные их владельцы давно уже умерли, а подобрать похожего человека там не проблема, тем более что для ментов они все на одно лицо...

Каждую ночь, когда ворота рынка со скрежетом закрывались, он как будто переходил во власть потусторонних сил. Через щели в контейнере мы время от времени видели странные огоньки, слышали непонятные человеческому уху верещание, рев и скрежет, которые, я думаю, были бы обычными в где-то первобытном лесу. Они чередовались с уже знакомыми нам звуками выстрелов, криками раненых и умирающих. Вьетнамская группировка на ножах билась с китайской, таджики со стрельбой делили торговые места с азербайджанцами. Но еще до рассвета кровь с асфальта и стен смывалась, трупы увозились в мусорных машинах, которые, понятно, никто не досматривал, а места убитых и покалеченных занимали свежеприбывшие гости. Иногда на рынке появлялись странные люди с очень темной, почти черной кожей. Они ходили крайне медленно и вообще все делали не спеша. Использовали их, как правило, для уборки мусора. Никто не понимал, о чем они говорят, хотя их язык

чем-то на слух напоминал таджикский. Я даже как-то спросила продавщицу Лейлу о том, на каком языке они говорят, – на минуту проснулся во мне бывший филолог. Она ответила, что на своем, на зомбийском. И рассказала, что иногда убитые, которых вывозят на свалку, отлежавшись там месяц-другой, становятся такими черными и возвращаются. Кормить их не надо, платить им тоже не обязательно. Работают, правда, медленно, но аккуратно. А живут они все вместе в подземелье бывшего стадиона имени Сталина или имени народов СССР, который, так и не достроенный до конца, стоял и ветшал рядом с рынком. Этот стадион начали строить еще до войны, но так и не закончили. Возвели одну трибуну в виде эллипса, парадный вход и все. Завершить строительство так и не смогли: на него явно было наложено проклятье. Пробовали играть в футбол – поле в день игры становилось твердым, как асфальт. Положили беговые дорожки, тартановое покрытие растеклось, как будто расплавилось. Студенты института физкультуры, иногда тренировавшиеся на нем, стадион ненавидели, – больше, чем там, серьезных травм они не получали нигде. И вообще за все это время его всерьез использовали только один раз для закрытого концерта Сантаны и других американских звезд в 1987 году при Горбачеве. А потом стадион стал частью рынка и местом обитания зомби. Под стадионом находятся гигантские помещения, среди которых есть, между прочим, и бункер Сталина с тоннелем до станции метро «Партизанская».

А закончилась вся моя звериная жизнь в зале игровых автоматов прямо на рынке. Бывший стоматолог и искусный любовник, так красиво ухаживавший за мной каких-то два года назад, решил, похоже, просто избавиться от меня. Вытащив меня из-за прилавка, он молча двинулся в сторону грязного павильона с «однорукими». Он был единственным на всем рынке, который по непонятной причине никому не удавалось закрыть. Приезжали ребята в масках и камуфляже, забирали документы – на следующий день павильон, как обычно, открывался, закрывала точку санэпидстанция, утром на почетном месте красовалось новое, еще пахнущее типографской краской разрешение, приходили опечатывать здание пожарники – их начальник получал свеженькую БМВ.

Джамшуд я уже давно стала называть его про себя старым именем поставил меня рядом с собой у грязного стола, на котором лежала довольно пухлая пачка долларов, и коротко сказал: «Ноги покажи!» Жизнь с ним и его братом давно отучила меня от каких-то комплексов, тем более возражений. Приподняла подол своего черного хитона. «Выше!» Продемонстрировала все, что требовалось, по самое «покорнейше благодарю». Сидевший напротив вьетнамец бросил: «Худовата», но все же кивнул, принимая ставку. А потом они оба пошли к игровым автоматам. Джамшуд по левому ряду, вьетнамец – по правому. Дергали ручки, раздавались звуки мелодий, иногда звон жетонов. А на последнем рывке вьетнамец взял джекпот. И я поняла, что жадность братьев погубила меня. Вьетнамец спокойно собрал кучу жетонов и поднял глаза на моего бывшего уже хозяина и возлюбленного. Тот лениво толкнул меня вперед: «Иди. Ты теперь его женщина. Он будет тебя кормить и защищать. Он хороший человек». Повернулся и вышел из павильона. Больше я его не видела. Найду – убью, наверное.

Той же ночью, собрав скопленные за год работы деньги (долларов триста, наверное) и переодевшись во взятые из мешков с товаром джинсы, ботинки и куртку, я сбежала. Жить в рабстве у вьетнамцев – это хуже всего. Отрезать ухо или выколоть глаз могут за любую провинность. Не поймали меня только по счастливой случайности – вьетнамец на радостях выпил бутылку хошиминовки, так они звали свою рисовую водку, и упал спать. Охрана же, привыкшая к нашим мешковатым одеяниям, сочла меня за припозднившуюся покупательницу-оптовичку, тем более что одежда на мне была новой, а в руках у меня были два пакета с барахлом. Из своих вещей я взяла почему-то только вот этот самый рубль. А потом скиталась по Москве, боясь показываться домой, тем более что и дома-то уже не было – мать с сестрой выселили в Ивановскую область, а в квартире обитал Равшан Зверзаев. И вот, проходя по

Ленинградскому проспекту, увидела вдруг симпатичную будочку и подумала: «Вот здесь я буду жить и ждать». Чего ждать, не знаю, но, похоже, на этот раз я дождалась...

– Да уж, Рогалик, покружило тебя по жизни... И ведь неспроста это все. Сама ведь ты понимала, что кто-то двигает всеми твоими желаниями, заставляет тебя совершать самые идиотские поступки. Спроси любую девочку, девушку, женщину после «Нашей Раши»: будет она жить с человеком по имени Джамшуд? Это примерно как за Гитлера замуж выйти, хотя... Мой друг, бывший преподаватель, почти твой коллега, кстати, рассказывал, что у него был студент (дело было лет тридцать назад), которого звали Коля, а точнее – Николай Адольфович. Ради интереса посмотрел мой приятель в анкету мальчика и чуть не спятил: его папа – Адольф появился на свет летом 1943 года! Кто во время войны мог мальчика именем Гитлера – злейшего врага СССР – назвать? У чертей, как и у людей, много имен. И у каждого свой черт, свой искустель. У СССР – Гитлер (тут я вспомнил рассказ Алексеича о его договоре со Сталиным), у тебя – Джамшуд. А у кого-то и симпатичная чертовка появится, которая элементарно до цугундера доведет... Обличие чертей многообразно. Он может хоть негром, хоть евреем быть. И распознать его сразу еще никому не удавалось. Почувствовала бесовское влияние?

– Да чувствовала я, что все не так. Но ведь как только Джамшуд у меня зуб мудрости вырвал, все мои ощущения стали как бы отстраненными. Я же по гороскопу Близнецы и раньше всегда сомневалась, даже часто разговор начинала со слов: «Мне кажется...» А тут понимала остатками ума, что неспроста он в автоматы и казино деньги относит, неспроста в черном ходит, неспроста его мои родные на дух не переносят. И рогалики эти... Я их ведь терпеть не могла, а как связалась с гастарбайтерами, так они для меня прямо наркотиком стали. А вообще-то меня Рогаликом прозвали еще в детстве и совсем не за дьявольские булки. Романтичная мама нарекла меня от рождения Роганеттой. Представляете, как девочке тяжело было быть Роганеттой Петровной! А поделаться с Джамшудом ничего не могла. Как будто кто-то мысли мои глушил. «Мы семья, и здесь так нужно!» – он все время говорил так, и это заставляло меня загонять свои собственные соображения в самый далекий уголок мозга. А потом они, собственные, вообще куда-то исчезли...

Сказав это, Рогалик посмотрела на меня, и я впервые за все время, что она у нас во дворе проживала, увидел ее глаза. Они каждую секунду меняли цвет. Нет, они не были разными, но в зависимости от освещения становились то карими, то зеленоватыми, то цвета чая или виски, какое сравнение кому больше нравится... Вообще-то, говорят, что глаза сами по себе могут указать на чертовщину, как какой-то признак, выделяющий посланца дьявола из общности людей. Например, пятно на лбу у политика или ярко-рыжие волосы... Поговорку «Бог шельму метит» еще никто не отменял. Но глаза у нее были хоть и необычные, но какие-то уж очень озорные и веселые, без черноты и мрака, которые иногда так привлекают и так пугают нас – мужчин...

– Успокойся, Рогалик, твое имя не самое идиотское изобретение российских родителей. Вот есть такой Борис Гребенщиков, слышала? Так вот, когда лет двадцать назад у него сын родился, он решил назвать его сказочным русским именем – Гвидон. В честь царя Гвидона из сказки о золотом петушке. Приехал Б. Г. к Макаревичу, который выпивал со своим другом Богомоловым, и они втроем на кухне стали отмечать рождение наследника. А когда молодой отец объявил об имени, которое уготовил младенцу, друзья просто впили в ступор. Богомолов вежливо осведомился, как он видит уменьшительный вариант имени своего малыша. Тот ответил: «Ну, Гвидя, Гвидончик, наконец!» Тут уж и Макаревич не выдержал и язвительно спросил: «А не кажется ли вам, уважаемый Борис Борисович, что ваш мальчик будет с детства несчастным и приобретет множество комплексов? И все по одной причине: его, начиная с яслей, все будут дразнить Гондончиком! Гребенщиков, как-то не думавший о таком варианте развития событий, долго благодарил собутыльников, а потом быстро решил

назвать сына Глебом. Так что имя Рогалик – это сейчас для тебя не худший вариант. А потом посмотрим, может, и к Роганетте вернемся...

Честно говоря, со всеми этими событиями я забыл рассказать про своего водителя Алексея, который долгое время был моим ангелом-хранителем. Думаю, что будь он рядом, некоторые события, которые изложены в этой книге, не произошли бы вообще или пошли бы по совершенно иной сюжетной линии. За три месяца до описываемых событий мы с ним временно расстались. У нас в стране грянул кризис, работы и, соответственно, выездов стало гораздо меньше, и я решил дать парню заработать, хотя и сам в общем-то платил ему немало. Однажды приехал к нам Эрос Рамазотти и попросил найти ему водителя не из агентства, не из спецслужб, а просто хорошего профессионала, умеющего держать язык за зубами. Мой большой «Лексус-460» находился на профилактике, и я «одолжил» Алексея Эросу. Не знаю уж, чем они там вдвоем занимались, но через неделю чуть ли не силой ворвались ко мне и стали упрашивать меня дать им «поработать вместе в Италии и по всему миру». Я ломался недолго и дал разрешение заключить очень приличный контракт на полгода, но с обязательным условием: вернуть мне Алексея в целости и сохранности. А сам пересел на свой кабриолет, который теперь очень грозно смотрелся с мигалками, стробоскопами и прочими атрибутами власти, теми, что так помогают на дороге. Кстати, один раз я оставил крышу своего SC-430 открытой, а мигалки сунул в багажник. Минут через пять раздался звонок Алексеича: «Роман, друг мой, а вам ничего не говорит фамилия Удохин? Так вот, был такой в прошлом известный желтый журналист. Тот самый, который во время первого приезда Наоми Кэмпбелл в Россию рухнул перед ней на колени и предложил руку и сердце. Она, правда, отказала ему, сказав, что девушка она скромная, стеснительная, и ей еще рано думать не только о браке, но и о мужчинах вообще. После чего, правда, лomanулась в «Найт Флайт» и выпила там в компании тех самых мужиков, с которыми ей рано общаться, не меньше литра водки. Удохин грустил недолго и решил на гонорар от рассказа о своей попытке охмурить Наоми, который он впарил какому-то западному журналу, приукрасив несуществующими подробностями, купить себе автомобиль. И купил «Фольксваген-жук» коричневого цвета, пятнадцатилетнего возраста и с кузовом типа кабриолет. Крыша у него не открывалась и не закрывалась, ее просто уже не было, а обе двери были заклинены. Если нужно было усадить в машину девушку, то Удохин, говорят, галантно брал ее на руки и закидывал в машину. А сам наострил лихо запрыгивать на сиденье с другой стороны.

Иметь кабриолет в нашей стране, Роман Львович, дело непростое, сами ведь знаете. А кабриолет без крыши – тем более. Однажды около пустующего «жука» остановился мусоровоз. Конечно, все содержимое кузова в маленьком салоне не уместилось, но водитель мусорки нагрузил Удохина по максимуму. Потом у него резали сиденья, отламывали разные ручки и кнопки, но владелец раритета был тверд и никак не хотел расставаться с таким понтовым авто. А еще он, почти как Остап Бендер, любил белые штаны. И охотно носил таковые, невзирая на сезон.

Закончилась эпопея, как рассказывают люди сведущие, печально. Удохин спешил на важную встречу. Выбежал из здания редакции и помчался к своему коричневому другу. В белых штанах, конечно... На глазах у восхищенной публики, среди которой он наметанным глазом приметил пару симпатичных девиц, он взмыл над асфальтом и лихо приземлился прямо на водительское сиденье. Приземление было на диво мягким. Более того! Оно было скользким и очень вонючим! Какой-то недоброжелатель Удохина, то ли обиженный им артист или политик, то ли ревнивый поклонник Наоми Кэмпбелл, аккуратно уложил на сиденье огромную кучу дерьма. Сидя в ней, редактор стал звонить своим подчиненным, которые принесли ему ворох старых газет. Обернувшись ими, пристыженный прыгун отправился в редакционный сортир, где долго и без особого успеха мылся. Затем звонил жене, чтобы она привезла ему новые белые штаны. На встречу, конечно, уже опоздал, а обгаженный «Фолькс-

ваген» потом, уже без особых сожалений, продал какому-то южному гражданину. Так что, Ромочка, не идите проторенным, но неверным путем некоторых неосмотрительных и не в меру понтовитых граждан. Крышу закрывайте!» Алексеич отключился, а я, впечатленный рассказом, внял его совету, поплелся к машине и закрыл-таки крышу. Секунд через тридцать с практически ясного неба хлынул необычный для Москвы тропический ливень и вымочил меня до нитки. «Все-таки вредный он, Алексеич, – буркнул я про себя, – не мог прямо предупредить, сказал бы просто, что ливень пойдет, а он целую историю насчет какого-то сраного Удохина выложил!» Стоя абсолютно мокрый посреди собственного двора, я осознал две вещи: первое – это то, что я в почти прозрачных белых штанах и второе – что и моя первая жена Лена очень мудра: именно она отучила меня надевать под белые штаны черные трусы...

Но вернемся к нашей подруге – Рогалику, которая хоть и поблескивала явно красивыми глазами, но одета была по самой современной столичной бомжовой моде осеннего сезона: не первой свежести спортивные штаны, войлочные ботинки «прощай молодость» и мужская куртка «Аляска» со сломанной молнией. Голову украшала спортивная шапочка тоже не особо гламурного вида. С моей новой соратницей надо было что-то делать. Основную задачу я ей вкратце объяснил. Восприняла она ее довольно спокойно и точно так же спокойно согласилась помочь мне в благом деле освобождения одной шестнадцатой части света от как можно большего количества земных чертей и их обитателей. А в конце разговора поглядела на меня очень внимательно, я бы даже сказал оценивающе, и тихо сказала: «У меня только одна просьба есть, но очень важная для меня: встретите Джамшуда, не убивайте его. Джамшуд – мой!» Тут мне пришло в голову, что мне очень повезло с именем. Будь я Джамшудом, мог бы за компанию попасть под раздачу от этой с виду спокойной, но явно решительной дамы.

Впрочем, дамой ее нужно было еще сделать. И я сразу же сообразил, кто и как сможет провести такое мероприятие в самом лучшем виде. Взял Рогалика за руку и повел на другую сторону Ленинградского проспекта, где в отдельной квартире в одиночестве, без любимого сыночка, пропадавшего уже три месяца в далекой Италии, коротала время мама моего водителя Алексея. Я трезво рассудил, что она будет рада интеллигентной компании (за час разговора я не слышал от Рогалика ни одного матерного слова по-русски, а латыни мама, скорее всего, не знала). К тому же если гостью привести в нормальный вид, то из нее получится вполне приличная квартирантка. Мама Алексея, Вера Григорьевна, конечно, несколько удивилась, увидев меня в столь странной компании, но довольно быстро уловила суть того, что было нужно сделать. Первое – отмыть не очень чистое, но уже значительно повеселевшее существо, второе – накормить (а не напоить), третье – купить ей нормальную одежду. Последний пункт был самым сложным: в приличный магазин Рогалика в ее прикиде не пустили бы, а голой ходить по улицам у нас в стране как-то не принято, да и прохладно уже... Сошлись на том, что я заеду в ближайший магазин и куплю ей джинсы сорокового размера и соответствующую рубашку. А остальное они с Верой Григорьевной пойдут приобретать вместе. Оставив на расходы пару тысяч долларов и кредитку для закупки одежды, а также определив новым местом жительства моей «соисполнительницы» свободную комнату, в которой были свалены вещи, вывезенные из «Трахтенберг-кафе» при его закрытии (там стоял и замечательный кожаный диван), я с чувством выполненного долга отправился восвояси...

На «Маяке» меня встретили как родного. А с большинством творческих персонажей мне в разное время приходилось сталкиваться либо по работе, либо в каких-то тусовках, а то они и просто заглядывали в мой клуб, чтобы отвлечься и прочистить свои мозги от радиотелевизионных проблем. Усевшись в кресло перед микрофоном и внимательно следя за тем, чтобы моя соведущая Алла Довлатова не выкинула бы какой-нибудь трюк (напри-

мер, не назвала нашу с ней программу аутсайдером рейтинга), я поглядывал и в подготовленный редактором текст. В основном я придумываю все сценарии и основные сюжетные ходы шоу сам, но есть ведь и реклама, которую должен читать именно я, причем очень точно и выразительно. Есть «пожелания руководства» упомянуть того или иного человека либо событие. Есть «поминальник», в котором указано, что было в этот день, кто родился, кто умер. В общем, всю эту байдю редакторы мне и готовят. И вот я, вертя в руках свой талисман, случайно роняю его. А мне надо завершать рекламу. С очень важным и торжественным видом я неожиданно для себя повторяю заключительную фразу: «Нет жука на даче!» не один, а три раза. В перерыве редакторша моя, Рената, спрашивает: «А что это вы рекламный слоган три раза повторили?» Я-то, конечно, выразился в том смысле, что не ее это собачье дело, сколько раз надо, столько и повторяю. Но сам задумался. Начался второй час эфира. Стали мы с Аллой и слушателями тему обсуждать «Можно ли алкоголь пить в общественных местах, а если можно, то кому?». Она кричит: «Нет! Нельзя!» И тут звонок в студию переводят, и знакомый голос Алексеича говорит: «А что, в ресторане тоже нельзя выпивать? Место-то общественное». А потом, пока Алла думала, что ему на это возразить и на какие категории общественные места разделить, сказал еще одну фразу: «Да не берите вы в голову, Роман, повторения всякие. Надо же было сигнал дать, внимание привлечь...» И отключился. А Довлатова потом меня весь перерыв допрашивала насчет того, какие сигналы имеются в виду и почему меня про них спрашивают. Так я ей и не ответил, а она, бедная, наверное, до сих пор мучается...

Меня все-таки уже начинало интересовать, каким образом в осуществлении возложенной на меня исторической миссии мне может помочь интеллигентная бомжиха с титановым рублем? Ну ладно, положит она его куда нужно и когда нужно, а еще что? По первому впечатлению женщиной она мне показалась весьма решительной, но мой здоровый скептицизм заставлял меня терзаться смутными сомнениями. Многолетний опыт подсказывал мне, что женщинам, девушкам, бабам, телкам и теткам, а также сударыням, леди, сэрихам и прочим особам женского пола доверять полностью никогда нельзя. Вот пошла же Рогалик за первым попавшимся ей посланцем дьявола? И кто знает, насколько укрепилось ее сознание теперь? Да, у нее появилось желание любым способом извести ненавистного ей Зверзаева-старшего. А если появится другой подобный гражданин, снова в мягком, но на этот раз еще и пушистом обличии? Женщины ведь точно так же любят удовольствия, как и мужчины, они точно так же стремятся получить от жизни максимум. И если найдется кто-то, кто перед ними приоткроет занавес, покажет новый мир и будущие возможности, они могут сразу бросить все: работу, родных, даже детей, чтобы прилепиться к своему возможному «благодетелю». И какая тогда на хрен миссия? До нее ли будет Рогалику? В общем, нужно было выяснять, что она за человек, что знает о будущем деле и как, во всяком случае на настоящий момент, к этому всему относится...

Когда после эфира я заехал к Вере Григорьевне, обстановка в ее квартире напоминала приближенную к боевой. На диване, креслах, а то и просто на полу были развешаны и разложены различные предметы одежды и аксессуары стиля, который сейчас называют милитари или нэйви. Камуфляжные штаны, куртки, ботинки, разгрузочный жилет, рюкзак, американский фонарь «Маглит» гигантского размера, который можно использовать и как дубинку, нож десантника и бог весть что еще. Мама сидела за швейной машинкой, одним глазом смотрела хоккей по телевизору и с явным азартом подгоняла какой-то предмет военного туалета под мелкий размер Рогалика. Сухощавая, но крепкая, она что-то мне напоминала. И тут я услышал из телевизора: «Го-о-ол!» – и понял, что она явно ассоциируется у меня с хоккейной клюшкой. А что: Рогалик и Клюшка – сладкая парочка! А бывшая бомжиха, в защитного цвета футболке и купленных мной джинсах, возилась с какой-то штукой, сильно напомнив-

шей мне фильм «Молчание ягнят». Уже позднее я узнал, что это новейший прибор ночного видения.

– И какого, извиняюсь, стратопениса, я всю это хреновню купила, спрашиваю я вас, Рома? Зачем мне эти штуковины, в которые надо какие-то аккумуляторы вставлять, я что, с вами в пейнтбол играть собираюсь? И откуда я знаю, что куда вставляется-то? Ни разу в жизни даже в руках не держала этих штук, а знаю...

– Ну, во-первых, отвечая на твой вопрос, скажу, к примеру, что любая девушка, ни разу не бравшая члена в руки, сразу знает, что с ним делать и куда его вставлять. А во-вторых, кто тебя заставлял все это приобретать? Я же сказал, одежду купить нормальную, а не военную форму! И куда ты во всем этом собираешься-то?

Тут Ключка на секунду отвлеклась от швейной машинки: «Ромочка, я ей хотела платьев красивых купить, костюмчик, туфельки, сапожки. Пришли мы в универмаг, я протягиваю кредитку и говорю: «Надо красиво одеть девочку» А они тащат все эти жуткие вещи. Я говорю: «Не то!», а они: «Извините, типа, ошиблись, вот только сегодня новый натовский камуфляж привезли...» – и выдают нам еще больше всякого пятнистого! Даже и слушать ничего не хотели. А размеры-то все большие и крой мужской, вот сижу, перешиваю».

Уж кому-кому, а мне-то стало ясно, что, получив от меня импульс в виде рассказа о нашей совместной миссии, Рогалик как бы расконсервировалась. Если каких-то несколько часов назад она была нормальной московской бомжихой, разве что щеголявшей знанием латыни, то сейчас она постепенно превращалась в человека и начинала готовиться к тому, чтобы выполнить свои собственные, пока еще не совсем понятные ей, но уже определявшие ее действия – задачи. Что в первую очередь купит нормальная женщина – туфли на шпильках или боевой нож? Она же, благодаря волшебной кредитке Абрамовича, успев всего лишь отмыться от многолетней грязи, уже довольно охотно возится с камуфляжем, фонарем и рациями. И это доказывает, что путь уже намечен свыше, а Рогалик начинает постепенно входить в курс дела. А вот незнание того, зачем ей все это нужно, меня несколько смущало.

Без своего помоечного одеяния Рогалик выглядела совсем по-другому. Оказывается, у нее были красивые иссиня-черные волосы, правда еще неухоженные, но уже начинавшие по концам съезживаться в игривые завитки. Фигура скорее юношеская, чем женская, но натягивающиеся в нужных местах джинсы обрисовывали некоторые довольно правильной формы округлости, которые весьма привлекательны для мужчин, особенно в сочетании с порывистыми и резкими движениями, которые, как я заметил, были ей свойственны. Очень худое лицо, возможно, и не было бы интересным, если бы не глаза, которые, как я уже упоминал, меняли и цвет и форму. Глаза и улыбка у нее были по-настоящему красивы. Конечно, такая женщина – не для каждого, она, что называется, «на любителя», но сколько этих «любителей» ходит по нашей грешной земле, не подозревая о ее существовании...

Рассматривая уже натянувшую на себя камуфляжные штаны и примеривавшую пятнистую куртку Рогалика, я поймал себя на мысли, что смотрю на нее не как на своего бойца в небольшом отряде из двух человек, а как на женщину со всеми ее женскими прелестями и недостатками. Смотрю и оцениваю, примеряя не то к себе, не то к тому, как она сможет использовать свои специфические возможности в будущем.

Вообще при взгляде на женщин в голову приходят иногда самые необычные и несвоевременные мысли. Мне надо думать о спасении от лукавого, а размышляю я почему-то о несовершенстве нашего мира. Я вспоминаю, как мы с приятелем вдвоем сидели в его питерской квартире и звонили знакомым девчонкам, чтобы пригласить их в гости. Но никого, как назло, вытащить не удавалось. Было это еще в допроституточную эпоху, так что о продажной любви и речи не могло быть. У нас было все для замечательного по тогдашним стандартам вечера: свободная квартира, водка, вино, закуска и даже видеомagneтофон с «Греческой смоковницей». И тут я подумал, что в огромном Питере есть тысячи девчонок, которые точно

так же, как и мы, маются от безделья, не могут дозвониться своим друзьям или дождаться желанного звонка. И знай они о том, что есть мы, два красавца, которые их примут, накормят, напоят, развлекут, обласкают, а потом еще и трахнут со всеми соответствующими случаяю прелюдиями, они немедленно рванули бы к нам, сметая все на своем пути. Или позвали бы нас с приятелем, видиком и водкой к себе. Но мы не знали ничего о них, а они – о нас. И от этой несправедливости, оттого, что не одна, не две, а сотни и тысячи девчонок думают примерно то же самое, что и мы, становилось как-то муторно и даже обидно. А еще обиднее было, когда девчонки звонили сами, напрашивались в гости, а у нас не было свободной хаты (родители вернулись), либо денег, либо еще чего-нибудь. Диалектика, блин, закон природы!

Глядя на Рогалика, все так же увлеченно разбиравшую и примерявшую предметы воинского обихода, я теперь находился в полной уверенности, что уже завтра ее возможности будут ей известны, а ее желания полностью подчинены этим возможностям и ее предназначению в исполнении возложенной на нас миссии. И это успокаивало. Почему-то вспомнился известный киноперсонаж с его исторической фразой: «Эх, кабы в моей работе бабы не нужны были!»

Глава 4

Первое, что я увидел перед собой, очнувшись с жуткой головной болью, была алюминиевая миска с водой. Я лежал на полу в позе эмбриона лицом к стене, оклеенной дешевыми выцветшими обоями, а руки мои были скованы наручниками. Никелированные браслеты, в свою очередь, были довольно массивной цепью прикреплены к стояку отопления. Я с трудом перевернулся на живот и начал пить невкусную, отдававшую металлом, но такую желанную для меня сейчас воду. Стоя практически в позе «пьющего оленя», говоря русским языком – рачком, я задумался о том, что же такое со мной приключилось. Каким-то образом я из уверенного в себе и практически здорового человека превратился в этакое ракообразное существо в браслетах и с больной головой. Впрочем, болела не только голова, ныли ребра, наручники больно впивались в кисти, а вся левая часть тела, затекшая от долгого лежания в одной позиции, как будто прокалывалась изнутри тысячами иголок.

А так хорошо заканчивался вчерашний вечер... От Веры Григорьевны я отправился поужинать. Улитки, фуа-гра, изрядная доза виски «Фэймос Трахтенберг» в любимом ресторане – все это настраивало меня на самые положительные эмоции. Вообще-то когда я выпиваю, то становлюсь, в отличие от многих других людей, не агрессивным, а очень добрым. Могу дать денег, с удовольствием фотографируюсь с кем ни попадя, готов накормить и напоить совершенно случайного человека. Вот и вчера я весь вечер раздавал автографы, рассказывал анекдоты и даже (о ужас!) спел со сцены песню на стихи Сергея Есенина «Ты еще жива, моя старушка...». Последнее случается со мной крайне редко и свидетельствует о том, что, во-первых, я основательно выпил, во-вторых, у меня отличное настроение и, в-третьих – я хочу видеть в таком же настроении тех, кто меня окружает. Но, по всей видимости, мои позитивные флюиды передались отнюдь не всем... Кому именно так не понравилось мое пение накануне, я вспомнить никак не мог. Не очень трезвый, но и не пьяный в стельку, я вышел из ресторана и двинулся в сторону дома, благо до него было минут десять неторопливой ходьбы. Пройти успел метров сто. Остановился, чтобы закурить. А потом почувствовал сильный удар по голове. Вот, собственно, и все...

– Похоже, клиент наш очнулся, – услышал я голос сверху, – пора бы и потряхнуть его малька. А то даже странно, что он с таким счастьем и на свободе бегает, в кабаке наши бабки просаживает...

Меня отцепили от трубы и подняли на ноги. Двое совершенно незнакомых мне людей, внешне более чем заурядных – встретишь на улице и моментально забудешь – усадили меня на стул. Почти одинаковые невыразительные лица делали их похожими на близнецов. Еще больше делала их взаимно похожими подмеченная мной позже деталь: как у того, так и у другого не доставало мизинца левой руки. А отличались они тем, что один был чуть побольше и брюнетистый, а у другого на голове было нечто неопределенного цвета (я бы охарактеризовал его как светло-пегий шатен), причем волосы украшали меньшую часть черепа. Осмотревшись, я понял, что нахожусь в какой-то полуразваленной халупе, в которой, однако, еще было электричество. Единственным источником света была лампочка под потолком, не обремененная какими-либо абажурами или плафонами. Окно же, единственное в комнате, занавесили плотной тканью, так что о времени суток можно было только догадываться. «Ролекс» с моей руки вместе с содержимым карманов и массивной цепочкой с Могендоидом, которая еще недавно украшала мою шею, куда-то исчез, и посмотреть, сколько сейчас времени, не было никакой возможности.

– Который час? – спросил я у неприятных граждан, которые явно не замыслили в отношении меня ничего хорошего.

И услышал в ответ: «Усохни, гнида!», из чего понял, что вопрос времени в данный конкретный момент меня волновать не должен. Тем более что я почему-то был уверен в том, что сейчас примерно 7.40. Но стилистика и тон ответа указывали мне на две вещи: первое – повторять вопрос не имеет смысла и второе – я нахожусь в руках представителей организованной преступности, по-латыни именуемых бандитус натуралис. Хорошего настроения мне эти факты не добавили, но какую-то ясность внесли.

– Слушай, ты, жидовская морда, – начал брюнет, – быстро рассказываешь нам, где деньги, которые ты в казино ломанул, мы их принимаем, и тогда ты еще поживешь. Если не будешь колотиться, то тоже поживешь какое-то время, но не так комфортно. Без пальца, например, потом без двух. Мы даже дадим тебе возможность выбрать тот пальчик, который тебе меньше всего нужен... Давненько я что-то по свежему мясу не работал...

Заявление мастера ножа и топора было достаточно решительным и многое объясняло. Казино с помощью бандитов решило возратить деньги, которые я относительно честно у него выиграл. Дело обычное и случалось не один раз. Со мной, однако, это произошло впервые. Казино отнюдь не всегда выгодно отнимать выигрыши у людей известных – так и всю клиентуру можно растерять. Но сейчас, накануне скорого закрытия игорного бизнеса в столице этот вопрос, похоже, никого уже не волновал. Поэтому я понял, что с деньгами мне, скорее всего, придется расстаться. И тут мне пришла в голову замечательная, на мой взгляд, мысль: а не подставить ли мне в качестве терпилы, выражаясь криминальным языком, своего спонсора – Романа Аркадьевича Абрамовича? Пусть заберут пацаны с его кредитки свои восемьсот тысяч, а меня отпустят! Правда, смутные сомнения в том, что меня отпустят вообще, стали закрадываться мне в душу, более того, терзать ее с самого начала разговора. Поэтому я напряг свои мыслительные способности и, не желая лишаться какой-либо части своего драгоценного тела, равно как его целиком, стал думать о возможных вариантах спасения. После того как брюнет достал здоровенный нож и стал задумчиво оттачивать его с помощью оселка, время от времени пробуя остроту лезвия собственным ногтем, моя мысль заработала быстрее, но ощутимого результата это не приносило.

– Ну так что, будем признаваться или будем запираться? – С этими словами лысоватый с силой прижал мои ладони в наручниках к столу, а его коллега по преступному бизнесу стал тыкать кончиком ножа в мои пальцы, вежливо интересуясь, какой из них отрезать первым.

– Вот что, я вижу, что вы пацаны конкретные, поэтому и разговаривать с вами буду конкретно. Деньги в банке, снять можно, но я должен наверняка знать, что вы меня отпустите, иначе для меня смысла говорить вам что-либо нет никакого. Сказать-то я вам могу, но только когда гарантии будут, а иначе все равно убьете меня. А будете пальцы резать, так у меня сердце слабое, я даже на учете в кардиоцентре имени Бакулева состою (тут я соврал, конечно, но ложь во спасение лишь приветствуется), сдохну ведь у вас на глазах, что заказчикам говорить будете? Что типа недоглядели и бабок нет? Так что договариваться давайте. И говорить я не с вами буду, а с хозяевами. Вы-то гарантий дать не можете никаких, правда?

Перспектива так быстро потерять сладкого, как им казалось, клиента явно не входила в планы бандюков, так что руки мои были отпущены, а все пальцы еще на некоторое время остались при мне. Чтобы еще раз удостовериться в этом, я даже пошевелил ими. Правда, через пару минут мне пришлось занять первоначальную позицию, то есть прилечь на пол рядом с трубой отопления, к которой крепилась цепь. Один из моих оппонентов остался со мной, а другой куда-то ушел, судя по тому, что металлическая входная дверь громко хлопнула.

Хотя неудобная позиция и жесткий пол, когда-то гордо называвшийся паркетным, не располагали к полноценному отдыху, я, к своему удивлению, мгновенно заснул. Как правило, мои сны бывают яркими и цветными, что, по утверждению врачей-сомнологов, свидетельствует о моей творческой и впечатлительной натуре. Но в этот раз выразительные

средства моего подсознания оказались гораздо скромнее. Черно-белый Алексеич, почему-то здорово смахивавший на Демиса Руссоса времен его максимальной популярности и максимальных объемов, одетый в ниспадающий складками балахон, спокойно вещал, обращаясь, похоже, ко мне: «И будут тебе ниспосланы испытания, которые, не ослабив твоего тела, да укрепят твой дух. И безмерным умом своим, и ясностью сознания своего сможешь ты не только обмануть супостатов своих, но и привлечь на свою сторону самого страшного из них, того, который словом, а не орудиями пыточными ломает волю людскую. И станет он верным соратником твоим на веки вечные, ловить будет не только звук голоса твоего, но и движение мысли твоей, и исполнять будет все поручения твои... – Алексеич хитро улыбнулся: – Ну ладно, потерпи чуток, главное – про рубль не забывай», после чего куда-то исчез. Я между тем почувствовал удар в бок.

– Ишь, козел, разоспался! Черноволосый бандюк еще раз не особо сильно, но чувствительно ударил меня ногой под ребра. – Вот тебе «представитель заказчика».

Последним оказался хорошо знакомый мне администратор казино «Мефисто», которое я так удачно выставил совсем недавно. Его имя Ангел, правда, не совсем соответствовало профессии, зато фамилия Сукин все ставила на свои места. Он сообщил мне, что мой выигрыш принадлежит казино – так решили учредители, – поэтому я и оказался здесь. С оплатой накладных расходов, также отнесенных на мой счет, я оказывался должен миллион долларов без какой-то мелочи. А что касается моего заявления относительно слабого сердца, то он лично считает, что столь больные люди не могут хлестать виски в таком количестве и вести подобный моему антиобщественный образ жизни. Поэтому большинством голосов было принято решение вывезти меня «в офис» и приступить к постепенному и не совсем приятному для меня уменьшению объемов моего тела. Для нормализации моего образа жизни, по общему мнению, больше подошла бы, конечно, строгая диета в течение пяти-семи дней и постепенное снижение веса путем отрезания различных частей тела, но времени на такие изыски сейчас нет. Поэтому работа будет идти по сокращенной программе. Для увеличения моей мотивации в смысле более тесного сотрудничества с «представителями фирмы» (если отрезание пальцев не поможет) решено пригласить специалиста, который хоть и теоретик пыточного дела, а не практик, но знает его очень профессионально. Поэтому лучше мне сразу сказать, каким образом можно без проблем забрать деньги, способствовать процессу их получения, а уж затем думать о собственной судьбе.

Как будто того и ждавшие бандиты подняли меня на ноги, в профилактических целях завязали глаза, заткнули рот настоящим кляпом (я такой видел только в фильме «Криминальное чтиво»), загрузили в машину и вывезли из города. Кляп, кстати, мне очень не понравился, но, говорят, когда рот заматывают несколькими слоями скотча – это еще более неприятно. Судя по всему, «офис» был не очень далеко, где-то в ближнем Подмоскowie, поскольку ехали мы около часа. А потом меня по лестнице отвели в подвальное помещение, которое здорово напоминало пыточную камеру. Окон в нем не было, лишь одно вентиляционное отверстие под потолком, в бетонные стены были вмурованы какие-то кольца, крюки, металлические перекладки, причем все это явно предназначалось не для занятий спортом. В углу лежала куча каких-то незнакомых мне приспособлений, а рядом с ними стоял столик, кокетливо прикрытый белой салфеткой. «Ну, – думаю, – под тряпочкой разложены всякие щипчики-ножички из арсенала палачей...» Однако я ошибался. На мраморном столике лежала пара гамбургеров из «Макдоналдса» и стоял картонный стакан кока-колы. Освободив мне одну руку, меня посадили к столу на привинченный к полу железный стул, на ножке которого закрепили цепь, и дали возможность поесть настоящей американской еды. В другое время я и не подумал бы есть такую гадость, но голод, как говорится, не тетка, улитки и фуа-гра уже покинули мой организм естественным путем, благо в туалет меня все-таки пустили еще в предыдущем месте заточения, так что я впился зубами в холодную сою.

Вообще-то отношение к «Макдоналдсам» у меня двойственное. С одной стороны, там все профессионально организовано, с другой – меня все время что-то в них обламывало. Задумался я над этим, когда взорвали одно такое заведение в Москве, потом другое в Питере... Что-то на какие-нибудь «Елки-палки» или «Ростиксы» никто не покушался! Потом я подумал о том, что они, как казино, охватили практически весь мир и, более того, есть даже там, где игорный бизнес запрещен. А еще обратил внимание на то, что большинство из этих пунктов быстрого питания хотя и не имеют никакого отношения к восточной кухне, выполнены в стиле азиатских храмов. И что самое главное, воздействие на взрослых, в смысле их подсаживания на фастфуд, происходит в первую очередь через детей. Сначала дети требуют колу, пирожки и игрушки, потом и взрослые «заодно с ними» едят всякие гамбургеры-чизбургеры, запивая это все кокой. И становятся своего рода наркоманами. Кстати, вспомнилось еще, что в течение года после открытия первого Макдоналдса в Москве страна наша постепенно скатывалась к тому, чтобы вообще прекратить свое существование в качестве супердержавы... А желтая, цвета серы буква «М», которая, если ее перевернуть, является не чем иным, как стилизованными чертовыми вилами? Предупреждали ведь наших правителей только появлявшиеся тогда у нас антиглобалисты насчет Макдоналдсов, кричали вовсю, что даже само название – это инициалы сатаны: Мак – начинается с буквы «М», то есть «Мефистофель», Доналд – с буквы «Д» – «дьявол»! А правители и сами совсем осатанели! Если рассказать кому-нибудь, что аренда метра площади стоит Макдоналдсу, расположенному в самом центре Москвы на Арбате, и центру подготовки Мак-персонала в Николопесковском переулке всего один рубль в год и действует до 2041 года, то никто и не поверит. Тем не менее это так!

Несмотря на все эти мысли о чертовской природе Макдоналдсов, я все же доел холодные гамбургеры и даже хлебнул выдохшейся коричневой жидкости с картонным привкусом. Удовольствия это мне не принесло никакого, но желудок забило довольно основательно.

– Граждане мазурики! – начал я свою речь классической фразой. – Что я вам такого сделал, что вы меня не только на куски резать собрались, но еще и едой из Макдоналдса травите? Давайте смотреть на вещи реально: я вам нужен, чтобы получить деньги. Но система так работает, что без меня, живого и здорового, вы их хрен получите. У вас моя карточка. Во всяком случае, она у меня была с собой, когда я ужинал в ресторане. Требуемая сумма на ней есть, но снять много денег в банкомате вам никак не удастся. И забрать такие большие деньги в банке без моего присутствия вам тоже не светит. Банк, который выдает по этой карте наличные, только один, и как это сделать, чтобы не спалиться, известно лишь мне. Так что продумывайте процедуру обмена моей свободы на деньги... И нормальной еды принесите, а то сдохну раньше времени от ваших гамбургеров...

Администратор Сукин покопался в моих вещах, принесенных бандитами и уже разложенных на столе, нашел карточку, повертел, положил обратно и, глядя на меня не очень хорошим взглядом, сказал, что «они подумают до утра». Все равно ночью банки не работают. Если что не так с утречка пойдет – минус мизинец. А пока со мной посидит мальчик, который мне все-все расскажет о том, какие бывают пытки и как их применяют к таким, как я, хитрожопым евреям. Сказав мне все это, он забрал своих церберов и ушел, а вместо них появился молодой человек в очках совсем нестрашной наружности, которого я время от времени видел в «Мефисто», где он следил за порядком в зале.

– Я тебя, Роман Львович, очень уважаю, но, видишь ли, работа есть работа, – сказал он, доставая из принесенного рюкзака несколько книг. На обложке одной из них, самой толстой, было вытеснено золотом название «Энциклопедия пыточного дела». – Для начала расскажу тебе про человека-свинью. Слышал, может быть, о такой древнекитайской забаве? Вот, изобретательные наши восточные соседи еще давным-давно придумали такую фишку: аккуратно отрезали человеку кисти рук, а затем с помощью своей замечательной медицины

подлечивали их, чтобы култышки зажили. Человек довольно быстро привыкал жить без рук, и вроде бы ему уже было нормально. Но вот затем ему отрубили стопы ног. И тоже тщательно лечили. Наказание-то не в этом состояло, а в том, что в абсолютную свинью человека превращали постепенно. Только привыкнет он без рук, без ног, ему выкалывали глаза, причем стерильным инструментом, чтобы, не дай бог, инфекция не попала и человек не умер раньше времени, затем протыкали уши, вырывали ноздри и отрезали язык. И каждый раз сажали в яму, время от времени подкармливая рисом и давая воду. И в таком виде человек-свинья, о котором заботились, чтобы он какую-нибудь хворь не подхватил, мог жить лет десять. А сейчас-то высоты медицины ух какие! Глядишь, вы и все пятнадцать протянете, при должной заботе-то! А все операции нынче под наркозом делаются, с бригадой реанимации рядом, если что не так пойдет. Жаль вот времени у нас мало, приходится все оперативные вмешательства в один день проводить. Забываем традиции... Правда, наши говорят, что тут недалеко два шулера уже третий год так живут. Не знаю только, нравится ли им это, нет? А ты-то сам как думаешь?

Я, честно говоря, был впечатлен неторопливым рассказом молодого садиста и довольно явственно представил себя без ручек-ножек и других важных аксессуаров. Но все же нашел в себе силы пошутить:

– А ты, как специалист, можешь мне сказать, кастрировали их или нет? Все-таки интересно.

– Приятно, что ты деталями интересуешься. Это в зависимости от характера преступления. Если дело с женщинами было связано, то кастрировали обязательно, а нет, так могли и оставить. Считалось, что если яйца не резать, то человек-свинья проживет подольше. А цель-то именно такая была – тяжесть наказания определялась его неотвратимостью, ступенчатостью и длительностью. По-моему, очень справедливый и профессиональный подход.

А известно ли тебе, что только во времена инквизиции придумано было более двух тысяч новых орудий пыток? И их по-настоящему ни один историк не изучал. Вот читаешь труды исследователей этой проблемы и удивляешься, как поверхностно они к своей работе подходили! Ни тебе списка источников, ни историографии, а в самих трудах даже исторических корней не прослеживается, не говоря уж об аналогах и усовершенствованиях последователей. Так, перечисляются орудия, порядок работы, в общем, что-то типа сборника сокращенных инструкций по применению. А ведь каждая пытка – это продуманный до мелочей церемониал, который имеет свою динамику, постепенно идущую к апогею, когда страдание подопытного возрастает до максимума! А нашим идиотам пальцы бы только резать! Варвары!

При этом парень погрозил кому-то неведомому кулаком, в котором, как я успел заметить, не хватало мизинца.

– А ты-то тоже от этих ребятишек пострадал, что тут передо мной ножичком размахивали? Что же они своих-то не жалеют?

– Жалеют не жалеют, отрезали – значит, заслужил. Экзамен на первом курсе завалил, вот и наказали.

– Ни хрена у вас стимулирование учебного процесса идет! Это что же за институт-то такой?

– Бери выше, Роман Львович, не институт, а лучший вуз страны – Московский государственный университет имени Ломоносова. Исторический факультет, между прочим...

– И что, не сдал экзамен, идешь в деканат, и тебе там сразу палец отрезают? Что-то я не слышал о таком даже... Тогда, я думаю, успеваемость у будущих историков достигла бы рекордно положительного уровня. А за всю заваленную сессию что? Голову отрежут или кастрацией ограничатся?

– Да нет, не понимаешь ты, это не в деканате, это у нас в казино такие порядки. Типа мой брат – директор, он за мое обучение платит, а я отрабатываю охранником и все время зачетку ему приношу на проверку. Вот на первом курсе не сдал зачет по количественным методам анализа в исторических исследованиях – на ногу пальца лишился, а этнографию завалил (это уже экзамен) – мизинца. Зато с тех пор ни одной тройки! Очень дисциплинирует, я бы сказал. Мне брат так и сказал: «Шурик, не сдашь чего – палец отрежу, без троек закончишь сессию – премию выпишу...»

– А что, товарищ Шурик, за брат-то у тебя такой кровожадный, все-таки родная кровь, а он тебя частей тела лишает?

– Ну он не совсем чтобы брат мне, но как бы шефствует надо мной. Я ведь ему обязан сильно, так что не напрягаюсь по поводу строгостей. Главное сейчас, чтобы мой диплом «Динамика развития пыточного дела в европейских странах в XIV–XVII веках» не ниже четверки получил. Тогда я и специальность буду иметь, и высшее образование, и все долги мне спишут... А что мы все обо мне да обо мне? Давай я тебе что-нибудь из более современного и интересного расскажу. Вот у вьетнамцев, например, было очень неприязненное отношение к американским летчикам, которых они хоть изредка, но все же брали в плен. Их, больных-то, без всяких там сложных технических средств могли так помучить, что мало никому не казалось. Привяжут, к примеру, пойманного воздушного аса к колышкам, вбитым в землю. А на животе у него укрепляют горшок с дыркой в донышке. А в горшке – крыска голодная. Ей-то на свободу хочется не меньше, чем тому американцу, а возможности – неизмеримо шире. Вот она и начинает потихонечку ему в животе дырку прогрызать. А там как уж повезет ему: полезет вправо – печень кушать начнет, влево – селезенку с поджелудочной, вверх – до желудка доберется, а вниз – сам представляешь. А делает-то она все это небыстро. Наестся, поспит, отдохнет и дальше давай грызть... Или вот еще эксперименты с растительностью. Уложат точно так же американца, привяжут, а под ним в нужных местах росточки бамбука посадят. Ты небось их только в виде еды представляешь или как удочки, да? А бамбук, он растет быстро и прорастает сквозь что угодно, хоть через асфальт. Так вот, если его правильно посадить и поливать, то он в самых неприятных местах начинает дырки делать и медленно, постепенно... Жаль только бамбук у нас не растет, но вот крыс тут предостаточно...

– А как ты в казино-то попал? Я вроде там студентов истфака никогда не видел. Во всяком случае, среди завсегдатаев.

– Да случайно я там оказался. Мой дед всегда мечтал быть историком, но стал военным, отец бредил истфаком, но тоже пришлось ему на заводе в городе Белгороде инженером пахать. Ну вот, они с дедом меня в Москву и отправили. Поступил я без проблем, поскольку и учителя были хорошие, и дома историю, что называется, боготворили. А вот перед первой сессией решили мы с ребятами отпраздновать окончание занятий. Купили водки и отправились в общежитие на проспекте Вернадского... А там рейд какой-то антиалкогольный. В общем, охранники у нас всю водку отобрали, и начальник смены закрыл ее в небольшой сейф в караулке и ключ с собой унес. Ну мы пришли, сидели-сидели насухую, а потом пошли вниз, связали охранника и забрали сейф. А ключа-то нет! И тут самый умный у нас, Костян, предложил сейфик трясти до тех пор, пока бутылки в нем не разобьются, а потом водку аккуратно слить через замочную скважину. Так и сделали. Взяли тазик у девчонок, потрясли сейф, так что там ни одной целой бутылки не осталось, и стали сливать. Понятное дело, через полотенце, чтобы частички стекла не попали. А когда сливали, заметили, что водка, какая-то сиреневая. Но нам в принципе все равно было, что пить. Выпили мы, погуляли, даже сейф на место поставили и охранника развязали, правда, влив ему стакан, чтобы не обижался. А в шесть утра нас поднимают с милицией и тащат в ректорат. Оказалось, что в сейфе этом, кроме бутылок, лежали какие-то эвакуационные планы МЧС, инструкции насчет действий

при начале ядерной войны и прочая хрень. Поэтому и водка была сиреневая, и печати-подписи все размокли... Но поступили с нами относительно гуманно. Одного Костяна, как инициатора затеи, отчислили, а остальных, то есть меня и еще двух пацанов, перевели на платное отделение. Меня это, правда, утешало мало, поскольку денег, чтобы платить за обучение, не было, а заработать студенту, сам знаешь, трудно.

Пришлось срочно ехать домой, падать в ноги к родителям. Картину «Возвращение блудного сына» видел? Вот с голыми пятками – это я был. Сначала, конечно, досталось мне по полной программе, а потом отец мой говорит: «Ты, Шура, надежда наша и опора в будущем. Берем кредит под залог квартиры и платим за твое обучение. А там, глядишь, и ты на ноги встанешь. А выплачивать будем потихоньку, так он, кредит, незаметно и пройдет...»

– Так это университет, а все-таки как ты в казино попал?

– А приехал я в Москву с деньгами, аккуратно чтобы за всю учебу сразу заплатить. Иду себе по улице и вижу: из казино парень вылетает, а у него в каждой руке по пачке долларов. Счастливый такой! А с ним друзья, девчонки какие-то, все поздравляют его. И так мне стало обидно за себя, за родителей своих, квартиру заложивших, за истфак этот, которому столько бабок платить надо, что я со всеми своими деньгами в это «Мефисто» и пошел. Сыграю, думаю, чтобы мне сумму удвоить, и уйду. А ты ведь сам знаешь, как с рулеткой-то бывает. Просадил я все, что у меня было, даже цепь свою золотую отдал. И еще больше мне обидно стало. До слез прямо. Тут меня вдруг к директору пригласили. «Анимал Гитамыч лично, – говорят – вас ждет...» То ли пожалел он меня, то ли просто настроение поговорить было, но выслушал мою историю и говорит: «Нравишься ты мне, Шурик, есть в тебе стремление к знаниям. Я ведь тоже об истории мечтал, даже в археологическую экспедицию ездил, в Новгород, берестяные грамоты искать, а вот окончил школу, и пришлось мне в кооперативе вкалывать. Может, слышал про такого Березовского? Так вот мы с ним это дело и мутили. А потом пути у нас разошлись: он сначала в автомобиле, потом в политику пошел и в итоге в Лондон попал, а я первый зал игровых автоматов в Москве открыл. Но историей интересуюсь до сих пор. Знаешь, бывает детская мечта такая. Уже, кажется, и не нужно ничего этого, а пока не исполнишь ее, не успокоишься. Я вот что тебе предлагаю. Ты, сокол мой ясный, будешь получать деньги за обучение у меня. Днем учиться, а вечером работать тут в казино охранником. Жить будешь тут, питаться тоже. Зарплату тебе положу небольшую, но при полном пансионе нормальную. Но спрашивать буду строго: во-первых, рассказывать мне будешь обо всем, что изучаешь, во-вторых, не сдашь экзамен или зачет – накажу. За учебу ведь мною заплачено будет, так что провалил экзамен – значит, своровал у меня. А у нас с этим строго. Ну, руку, конечно, рубить не будем, зачем ты нам безрукий нужен-то, а вот пальца ты лишиться можешь элементарно. Согласен?»

Пришлось мне согласиться. Стал снова учиться, работать, сначала на улице у казино стоял охранником, потом на входе, а сейчас уже в зале за порядком слежу. Ну и отдельные поручения выполняю, типа вот как тебя просветить насчет твоего ближайшего будущего. Я больше по теории все рассказываю, но почему-то бывает, что после моих рассказов люди сразу делают то, что от них просят.

– А что тебя, Шурик, вообще на эту пыточную тему подвигло? Ты садист, что ли? С детства там всяких птичек-червячков мучил?

– Да нет, я сам этим делом не увлекаюсь, просто Гитамычу интересно все это, и для работы, говорит, нужно, так что выбрал я изучение пыток. Пришлось замдекана денег дать, а то на заседании кафедры никак тему курсовой, а потом и диплома мне утверждать не хотели: «У нас, – говорят, – тут учебное заведение, а не притон садомазохистов». Ну а потом приняли решение «в порядке научного эксперимента» разрешить подготовку дипломной работы по такой тематике. «Пытки – это тоже часть всемирной истории, – говорят, – а историю надо не переделывать и фильтровать, а изучать...» А сейчас специальная комиссия мою работу рас-

сматривает, – очень я за ее судьбу беспокоюсь, – ведь придет в голову кому-то ее завернуть, одним пальцем-то я не отделаюсь, а у меня их и так всего восемь осталось...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.